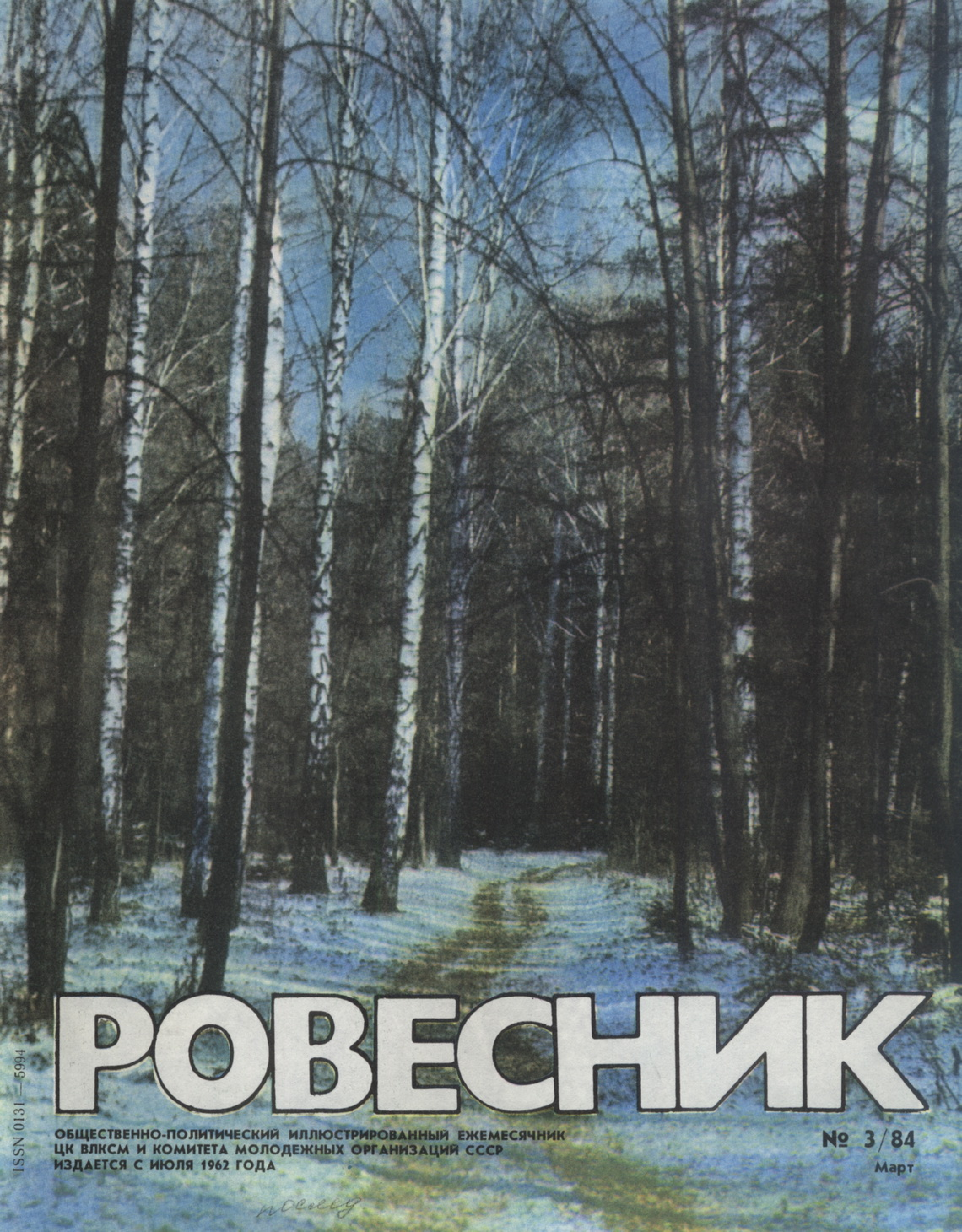

РОВЕСНИК
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК
ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА
№ 3/84
Март
ISSN 0131—5994

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ

о Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза

13 февраля 1984 года состоялся внеочередной Пленум Центрального Комитета КПСС.

По поручению Политбюро ЦК Пленум открыл член Политбюро, секретарь ЦК КПСС тов. К. У. Черненко.

В связи с кончиной Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропова участники Пленума ЦК почтили память Юрия Владимировича Андропова минутой скорбного молчания.

Пленум ЦК отметил, что Коммунистическая партия Советского Союза, весь советский народ понесли тяжелую утрату. Ушел из жизни выдающийся деятель Коммунистической партии и Советского государства, пламенный патриот, ленинец, неутомимый борец за мир и коммунизм.

Находясь по воле партии на важнейших постах партийной и государственной работы, Юрий Владимирович Андропов отдавал все свои силы, знания и огромный жизненный опыт осуществлению политики партии, упрочению ее связей с массами, укреплению экономического и оборонного могущества Советского Союза.

Много внимания уделял Ю. В. Андропов проведению в жизнь выработанной XXVI съездом КПСС и последующими Пленумами ЦК КПСС линии на всемерную интенсификацию производства, ускорение научно-технического прогресса, совершенствование управления народным хозяйством, усиление ответственности кадров, организованности и дисциплины, на неуклонный рост материального и духовного уровня жизни народа.

Большой вклад внес Ю. В. Андропов в развитие всестороннего сотрудничества стран социалистического содружества, в укрепление единства и сплоченности международного коммунистического и рабочего движения, в поддержку справедливой борьбы народов за свою свободу и независимость. Под его руководством последовательно и настойчиво осуществлялся на международной арене ленинский внешнеполитический курс нашей партии и государства — курс на устранение угрозы термоядерной войны, на твердый отпор агрессивным проискам империализма, на упрочение мира и безопасности народов.

Пленум подчеркнул, что в эти скорбные дни коммунисты, весь советский народ еще теснее сплачивают свои ряды вокруг ленинского Центрального Комитета партии, Политбюро ЦК КПСС, полны решимости беззаветно бороться за претворение в жизнь ленинской внутренней и внешней политики партии.

Участники Пленума ЦК выразили глубокое соболезнование родным и близким покойного.

Пленум ЦК рассмотрел вопрос об избрании Генерального секретаря ЦК КПСС.

По поручению Политбюро ЦК с речью по этому вопросу выступил член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР тов. Н. А. Тихонов. Он внес предложение избрать Генеральным секретарем ЦК КПСС тов. К. У. Черненко.

Генеральным секретарем Центрального Комитета КПСС Пленум единогласно избрал тов. Черненко Константина Устиновича.

Затем на Пленуме выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. К. У. Черненко. Он выразил сердечную благодарность за высокое доверие, оказанное ему Центральным Комитетом партии.

Тов. К. У. Черненко заверил Центральный Комитет КПСС, Коммунистическую партию, что приложит все свои силы, знания и жизненный опыт для успешного выполнения задач коммунистического строительства в нашей стране, обеспечения преемственности в решении поставленных XXVI съездом КПСС задач дальнейшего укрепления экономического и оборонного могущества СССР, повышения благосостояния советского народа, упрочения мира, в осуществлении ленинской внутренней и внешней политики, которую проводят Коммунистическая партия и Советское государство.

На этом Пленум ЦК закончил свою работу.

Константин Устинович ЧЕРНЕНКО

Константин Устинович Черненко родился 24 сентября 1911 года в деревне Большая Тесь Новоселовского района Красноярского края, русский.

Член КПСС с 1931 года. Образование высшее — окончил педагогический институт и Высшую школу парторганизаторов при ЦК ВКП(б).

Трудовую жизнь К. У. Черненко начал с ранних лет, работая по найму у кулаков. Вся его дальнейшая трудовая деятельность связана с руководящей работой в комсомольских, а затем в партийных органах. В 1929—1930 годах К. У. Черненко заведовал отделом пропаганды и агитации Новоселовского райкома ВЛКСМ Красноярского края. В 1930 году он пошел добровольцем в Красную Армию. До 1933 года служил в пограничных войсках, был секретарем партийной организации пограничной заставы.

После окончания службы в армии К. У. Черненко работал в Красноярском крае: заведующим отделом пропаганды и агитации Новоселовского и Уярского райкомов партии, директором Красноярского краевого дома партийного просвещения, заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации, секретарем Красноярского крайкома партии.

С 1943 года К. У. Черненко учится в Высшей школе парторганизаторов при ЦК ВКП(б). По окончании учебы с 1945 года работает секретарем Пензенского обкома партии. В 1948 году был направлен в Молдавскую ССР и утвержден заведующим отделом пропаганды и агитации ЦК Компартии Молдавии. Работая в этой должности, он много сил и знаний отдал экономическому и культурному строительству в республике, коммунистическому воспитанию трудящихся.

В 1956 году К. У. Черненко выдвигается на работу в аппарат ЦК КПСС, где он возглавил сектор в Отделе пропаганды, и одновременно был утвержден членом редакционной коллегии журнала «Агитатор». С 1960 года он работает начальником Секретариата Президиума Верховного Совета СССР. В 1965 году К. У. Черненко утверждается заведующим Общим отделом ЦК КПСС. В 1966—1971 годах он — кандидат в члены ЦК КПСС. На XXIV съезде партии (март 1971 г.) избирается членом Центрального Комитета КПСС, а в марте 1976 года на Пленуме ЦК КПСС, состоявшемся после XXV съезда партии,— секретарем ЦК КПСС.

С 1977 года он — кандидат в члены Политбюро, а с 1978 года — член Политбюро ЦК КПСС. Депутат Верховного Совета СССР 7—10-го созывов. Депутат Верховного Совета РСФСР 10-го созыва. К. У. Черненко был членом советской делегации на международном Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинки, 1975 год), участвовал в переговорах в Вене по вопросам разоружения (1979 год).

Константин Устинович Черненко — видный деятель Коммунистической партии и Советского государства. На всех постах, которые поручала ему партия, он проявил высокие организаторские способности, партийную принципиальность, преданность великому делу Ленина, идеалам коммунизма. К. У. Черненко — автор ряда научных трудов по актуальным вопросам повышения руководящей роли партии в жизни советского общества, совершенствования стиля и методов партийной и государственной работы, развития социалистической демократии. На июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС К. У. Черненко выступил с докладом, в котором определены главные направления улучшения идеологической деятельности КПСС в современных условиях.

За большие заслуги перед Родиной Константин Устинович Черненко дважды удостоен звания Героя Социалистического Труда и награжден тремя орденами Ленина, тремя орденами Трудового Красного Знамени, многими медалями Советского Союза. Он является лауреатом Ленинской премии.

К. У. Черненко награжден высшими наградами социалистических стран.

СССР

ОБРАЩЕНИЕ

Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР к Коммунистической партии, к советскому народу

Дорогие товарищи!

Коммунистическая партия Советского Союза, весь советский народ понесли тяжелую утрату. Оборвалась жизнь выдающегося деятеля ленинской партии и Советского государства, пламенного патриота социалистической Родины, неутомимого борца за мир и коммунизм Юрия Владимировича Андропова.

Его жизнь — образец беззаветного служения интересам партии и народа, великому делу Ленина. На всех постах, где по воле партии трудился Юрий Владимирович Андропов, он отдавал свои силы, знания, огромный жизненный опыт неуклонному осуществлению политики партии, борьбе за торжество коммунистических идей. Качества крупного политического руководителя ярко проявились во всей многогранной деятельности Ю. В. Андропова — на комсомольской работе и в организации партизанского движения в Карелии в годы Великой Отечественной войны, на ответственнейших участках партийной и дипломатической деятельности. Много труда вложил он в укрепление безопасности нашего государства.

Со всей силой выдающиеся способности и организаторский талант товарища Андропова — руководителя ленинского типа — раскрылись в его работе на постах Генерального секретаря ЦК КПСС и Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Короткий срок довелось Ю. В. Андропову возглавлять Центральный Комитет КПСС. Но за это время партия, следуя курсом XXVI съезда, творчески обогащая его, обеспечила уверенное продвижение страны на всех направлениях экономического и социального прогресса.

Важными вехами в жизни партии и народа, в укреплении их нерушимого единства стали ноябрьский (1982 г.), июньский и декабрьский (1983 г.) Пленумы ЦК КПСС. В решениях Пленумов, в выступлениях Ю. В. Андропова была развита и конкретизирована современная стратегия партии — стратегия совершенствования зрелого социализма.

В этот период усилия партии и народа были сконцентрированы на ускорении развития экономики, на улучшении управления народным хозяйством, укреплении партийной, государственной и трудовой дисциплины, повышении ответственности кадров, на развитии творческой активности масс.

Принятые партией меры подчинены одной цели — росту благосостояния советских людей, усилению могущества Советского государства. Во всем этом велики заслуги Юрия Владимировича Андропова.

Значителен вклад Ю. В. Андропова в развитие всестороннего сотрудничества стран социалистического содружества, в укрепление единства и сплоченности международного коммунистического и рабочего движения, в поддержку борьбы народов за свободу и независимость.

Под его руководством ЦК КПСС и Советское государство последовательно и настойчиво осуществляли на международной арене ленинский внешнеполитический курс — курс на устранение угрозы термоядерной войны, на твердый отпор агрессивным проискам империализма, на упрочение мира и безопасности народов.

В эти скорбные дни коммунисты, весь советский народ еще теснее сплачивают свои ряды вокруг ленинского Центрального Комитета партии, Политбюро ЦК КПСС. Трудящиеся Советского Союза видят в Коммунистической партии своего испытанного, коллективного вождя, полны решимости беззаветно бороться за претворение в жизнь ее внутренней и внешней политики, выражающей коренные интересы народа. Ленинский курс партии непоколебим. Партия вооружена ясной и четкой программой действий, выработанной XXVI съездом КПСС, последующими Пленумами ее Центрального Комитета.

КПСС будет и впредь настойчиво и целеустремленно проводить линию на всемерную интенсификацию производства, ускорение научно-технического прогресса, усиление организованности и дисциплины, на неуклонный рост материального и духовного уровня жизни народа. Она будет крепить нерушимый союз рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции, братскую дружбу народов СССР, развивать социалистическую демократию, воспитывать людей в духе советского патриотизма и пролетарского интернационализма, преданности великим идеалам коммунизма.

В нынешней сложной, опасно обострившейся международной обстановке КПСС, Советское государство считают своим первейшим долгом последовательно отстаивать дело мира, проявлять выдержку и бдительность, решительно срывать авантюристические замыслы империализма, укреплять оборонную мощь страны.

Советский народ — убежденный противник решения спорных международных вопросов силой. Мир без войн — наш идеал. В борьбе за прочный мир вместе с нами — братские страны социализма, коммунистические и рабочие партии, борцы за национальное и социальное освобождение, широкие народные массы, выступающие за предотвращение термоядерной катастрофы.

Наша партия и государство будут и впредь твердо и неуклонно проводить в жизнь принципы мирного сосуществования государств с различным общественным строем. Мы желаем жить в мире со всеми странами, активно сотрудничать с теми правительствами и организациями, кто готов честно и конструктивно работать во имя мира.

Советский народ твердо знает: партия, Центральный Комитет, его руководящее ядро непоколебимо верны ленинскому знамени, делу Великого Октября. Партия свято дорожит доверием народа и считает высшей целью своей деятельности заботу о благе и счастье советских людей. Единство партии и народа было, есть и будет источником нашей силы.

В памяти коммунистов, всех советских людей Юрий Владимирович Андропов навсегда останется как человек, беспредельно преданный учению Маркса — Энгельса — Ленина, принципиальный и скромный, близкий к людям труда, чуткий к их нуждам и заботам, умеющий подчинить все интересам социалистической Отчизны.

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Президиум Верховного Совета СССР, Совет Министров СССР выражают глубокую уверенность в том, что коммунисты, все советские люди с новой силой проявят свою классовую сознательность и организованность, свои высокие коллективистские качества, целеустремленным самоотверженным трудом обеспечат выполнение народнохозяйственных планов и социалистических обязательств, дальнейший расцвет нашей великой Родины.

День выборов в Верховный Совет СССР, 4 марта 1984 года,— праздник социалистической демократии

ЭТО И ЕСТЬ ВЛАСТЬ НАРОДА

Майк ДАВИДОУ,
американский публицист

Когда я собираюсь писать о политической системе той или иной страны, я всегда вспоминаю слова Авраама Линкольна о народном правительстве, которое управляется народом и для народа. Я считаю эти слова точным определением главных принципов демократии. И этим принципам наиболее полно соответствуют Советы — новая форма демократии, рожденная самим народом в революционной России.

Конституция, принятая 10 июля 1918 года V Всероссийским съездом Советов, узаконила основные достижения Октябрьской революции и выдвинула главную задачу — строительство социалистического общества. Согласно этой и последующим Конституциям в СССР государственная власть принадлежит трудящимся, составляющим абсолютное большинство населения. Право избирать и быть избранным предоставляется всем гражданам в возрасте с 18 лет независимо от пола, национальности и вероисповедания. По Конституции 1918 года политических прав были лишены только те, кто эксплуатировал труд других. Это ограничительное положение с самого начала рассматривалось как временная, исключительная мера, необходимая лишь до тех пор, пока не будет устранена опасность реставрации власти эксплуататоров. Последующие законы упразднили это ограничение.

Контроль над экономикой, природными богатствами, финансами, над всеми правительственными учреждениями, который всегда был в руках привилегированных эксплуататорских классов, впервые перешел в руки трудящихся фабрик и полей. Впервые на сцену истории вышел новый тип политических деятелей. Депутатов не только выбирали на производстве — на фабриках, заводах, в кооперативах,— они и продолжали работать там, они не были отделены от народа и не были над народом. Они зарабатывали себе на жизнь не политикой, а на производстве, как и все другие труженики, сталкиваясь с теми же самыми проблемами. Это были истинно народные представители, которым предстояло научиться управлять государством не в качестве оплачиваемых профессионалов, а в качестве общественных представителей, которые должны отчитываться перед избирателями и которые могут быть отозваны ими, если станут неудовлетворительно исполнять свои обязанности.

Новая система власти в Советской России сразу же столкнулась с серьезными проблемами. Приходилось преодолевать вековую отсталость и вековые пережитки и предрассудки, которые разделяли более чем 100 наций и народностей, населявших бывшую царскую империю. Рабочим и крестьянам предстояло руководить промышленностью, сельским хозяйством, наукой, культурой, управлять государством. Необходимо было развивать таланты трудящихся классов, веками прозябавших в невежестве, лишенных прав на образование и культуру. В дореволюционной России 73,3 процента населения не умело ни читать, ни писать. В Средней Азии неграмотность достигала 98 процентов. Женщины были почти полностью исключены из общественной и политической жизни.

Сама мысль о том, что рабочие и крестьяне могут управлять государством и делать это даже лучше, чем «благородные» люди, вызвала насмешки со стороны профессиональных буржуазных политиков. Например, газета «Новое время» — реакционный орган буржуазии в царской России — накануне Великой Октябрьской социалистической революции писала: «Представим на минуту, что большевики победят. Кто тогда будет управлять нами? Может быть, кухарки, специалисты по бифштексам и котлетам? Или пожарники? Или конюхи? Или истопники? Или, может, домашняя прислуга будет спешить на заседания, постирав пеленки? Большевики должны будут дать заслуживающий доверия ответ на этот вопрос истории». В менее грубой форме этот скептицизм (а в действительности классовый страх и враждебность) лежит и в основе выпадов современных «искушенных» советологов против социалистической демократии.

Правда в том, что никогда еще столько «кухарок», «конюхов» и «истопников» так не «спешили» и не «потели», наверстывая упущенные годы, когда «благородные» отказывали им в праве на образование и развитие талантов. Никогда и ни одно правительство еще так широко не открывало двери для всеобщего образования.

Молодые трудящиеся, создавшие в 1918 году Коммунистический союз молодежи, внесли большой вклад в борьбу с неграмотностью. Молодые коммунисты учились сами и учили других, помогая старшим товарищам.

Весь мир, включая и тех, кто раньше не скрывал презрения к «большевистскому эксперименту», сегодня знает результат этой «спешки». Один из великих уроков истории, который преподало Советское государство (и одно из его демократических достижений), заключается в том, что Советы продемонстрировали, какое чудо могут совершить трудящиеся, если дать им возможность развивать свои таланты. Шесть десятилетий власти трудового народа дали «заслуживающий доверия ответ» всем скептикам и пессимистам.

Правда в том, что коммунистам и комсомольцам всегда приходилось спешить. Они спешили от своих станков и плугов на фронты гражданской войны, сражались против белогвардейцев и иностранных интервентов, они спешили встать на защиту Родины против гитлеровских орд в Великую Отечественную. И они спешили, разгромив фашизм, продолжать строить новую жизнь. Они спешат и в наши дни. Туда, где новые заводы и фабрики, на поля и на гигантские строительные площадки, такие, как БАМ, и в научные лаборатории, словом, туда, где нужны их энергия и самоотверженность, умение и знания.

Американская система «свободного предпринимательства» порождает такие конгломераты, как Экссон, «Стандард ойл», ИТТ и «Дженерал моторс», именно они управляют Соединенными Штатами. Все, чего добился американский народ,— это не результат действия системы «свободного предпринимательства», а результат борьбы с

предпринимателями, борьбы против антирабочих законов, принимаемых «большим бизнесом», который командует в конгрессе, в законодательных учреждениях штатов и в городских муниципалитетах. Достигнутый американскими трудящимися уровень жизни находится в постоянной опасности: ему угрожает инфляция, шаткость курса доллара, массовая безработица, энергетический кризис, жилищный кризис, кризис городов.

Впервые в истории в Советском Союзе экономика развивается не по законам джунглей «свободного предпринимательства», а на основе объективного закона социализма: все для блага человека. В научно обоснованном планировании развития народного хозяйства принимают участие все граждане страны под руководством Советского правительства и Коммунистической партии. Советская власть опирается на инициативу и опыт миллионов трудящихся, использует знания и таланты ученых, специалистов, рабочих, тружеников сельского хозяйства.

С первых дней своего существования народное хозяйство Страны Советов развивалось на основе перспективного планирования. ГОЭЛРО — первый такой план, разработанный под руководством В. И. Ленина в 1920 году,— предусматривал строительство 30 тепловых и гидроэлектростанций за 10—15 лет (и это сразу после гражданской войны!). Затем в жизнь вошли пятилетние планы развития народного хозяйства, генеральные линии которых утверждались Коммунистической партией на ее съездах. Первая пятилетка, задачей которой было построение основ социализма, началась в 1928 году. Год спустя Соединенные Штаты оказались в тисках «Великой депрессии», начался всемирный экономический кризис. Никогда раньше не представал так ярко драматический конфликт между анархией капиталистического производства и успехами социалистического планового хозяйства.

Новая форма демократии — Советы — открыла возможности для всего населения участвовать в обсуждении жизненно важных проблем страны и в принятии решений. Дискуссии в Советах отражают не столкновение интересов враждующих классов, а различные мнения о выполнении общих задач. Это обусловлено самим народным характером и составом Советов. Их главнейшее отличие от буржуазных форм представительной демократии в том, что здесь миллионы планируют, обсуждают и сами проводят в жизнь решения, определяющие жизнь народа. Эта характерная черта Советов, соединение законодательной и исполнительной власти, одно из основных отличий советской системы от американской.

Возможно, большинству американцев, знакомых только с нашей системой «свободного предпринимательства», трудно понять, как это правительство может планировать работу десятков тысяч предприятий, следить за выполнением планов. В США ведь принято считать, что только капиталистические монополии, заинтересованные в прибылях, способны эффективно управлять промышленностью.

Действительно, представителям народа в Советах нелегко было овладеть наукой управления, об этих трудностях говорится открыто на страницах советской печати. На этих признаниях и паразитирует буржуазная пресса, преувеличивая их, чтобы скрыть значительные достижения. Совершенствование науки управления экономикой в интересах народа — один из внушительных примеров успехов социалистической демократии, результат творческой инициативы трудящихся, ответственного отношения к своей работе.

Как мы уже отмечали, история не раз представляла возможность для сравнения двух социальных систем — капиталистической и социалистической. Но никогда еще это сравнение не было так очевидно в пользу социализма, как в наши дни.

В своем первом выступлении перед американским народом в качестве президента Рейган драматическим жестом показал миллионам телезрителей купюру в один доллар. Затем он оторвал от нее третью часть и воскликнул: «Вот сколько стоит ваш доллар сегодня. А вот сколько он будет стоить завтра!» — продолжил вновь избранный президент, оторвав еще кусок от однодолларовой бумажки, так что осталась примерно четвертая часть нормального размера. Так запугивая американский народ инфляцией, Рейган заранее потребовал одобрить его будущую экономическую программу. (Результаты этой программы сегодня известны всем: миллионы безработных, десятки миллионов живут ниже официально установленного уровня бедности, десятки тысяч бездомных, сотни тысяч голодающих.)

В то самое время, когда XXVI съезд Коммунистической партии Советского Союза обсуждал вопросы мира и мирного строительства для повышения уровня благосостояния советских людей, рейгановская администрация в соответствии с обещанной президентом экономической программой начала блицкриг против социальных и экономических завоеваний американских трудящихся, вырванных ими у «большого бизнеса» за последние 50 лет. Советский Союз, управляемый народом, все делает на благо народа, в США, где правит военно-промышленный комплекс, все делается для роста его прибылей.

Уроки, которые предлагает нам история, убедительно показывают, что советская демократия — это и есть истинная власть народа.

Перевел с английского
П. МИХАЙЛОВ

Фото из книги М. Давидоу «Демократия на деле и демократия на словах». 1977 год. Рабочие обсуждают проект новой Конституции СССР.

ВМЕСТЕ

1. Кульвант Сингх Наги

Я работал на заводе «Тата» около пятнадцати лет, когда в 1958 году туда прибыла государственная комиссия отбирать людей для строительства новых заводов в Бхилаи, Дургапуре и Роуркеле. Мне предложили работать на комбинате в Бхилаи, я согласился.

Бхилаи в 1958 году был похож на голое футбольное поле, ничего еще не было построено. Цехи только возводились. Было мало транспорта, мало жилья, и было трудно жить.

Металлургический комбинат в Бхилаи был одним из первенцев национальной индийской индустрии. Англичане не давали разрешения строить в стране заводы и металлургические комбинаты; только когда мы получили независимость, мы начали строить и создавать большую индустрию. И в первую очередь — металлургические заводы, потому что без стали невозможно создать другие отрасли промышленности...

Советские товарищи приехали помогать с самого начала, с 1958 года. Они работали, невзирая на страшную жару, в новых для них и непривычных условиях. Мы никогда не чувствовали, что они иностранцы, потому что они все время были рядом с нами.

Я прекрасно помню, кто был первый советский человек, с кем я познакомился. Это был мистер Савоськин. Он вел тогда монтаж мартеновского цеха, и я работал с ним рука об руку на монтаже. И в том же 1958 году меня послали в Советский Союз на практику, на многие заводы: Запорожье, «Азовсталь», Макеевка, Новокузнецк, Магнитогорск — восемь месяцев я провел у вас.

2. Хабаров

В декабре 1958-го полетели мы в Индию. Летело нас четыре человека. Взяли с собой чемоданчик с ржаным нашим хлебом, взяли даже елочку, чтобы Новый год там встречать...

Сошли с самолета, стоим смотрим: какое все другое! Земля сухая, коричневая, растения и птицы экзотические, яркие, на крыше аэропорта три обезьяны сидят и на нас смотрят, а мы курим «Казбек» и на них глядим...

Самолетом местной линии полетели в Нагпур. Из Нагпура на автобусе в Бхилаи.

Первый государственный индийский комбинат строился в Бхилаи. И мы нашу цель видели не только в том, чтобы построить и пустить домны и мартеновский цех, а в том еще, чтобы индийцев научить, наш опыт им передать.

Рабочие не знали ведь, что такое доменное производство. Все приходилось показывать. Каждым действием своим не только работу делал, но и учил.

3. Кульвант Сингх Наги

Первый раз я приехал в Советский Союз 30 апреля в 1958 году. Наша группа состояла из опытных людей. Все мы уже работали на заводе «Тата» много лет, но оказалось, что производства мы не знали еще... Наше открытие было: надо учиться! Мы видели, как много нового можем узнать на советских заводах. И нам давали это узнать, никаких секретов от нас не было. Нам даже давали работать самим, не боясь, что мы испортим плавку, давали нам пускать плавку...

В мелочах быта выражалось то хорошее отношение к нам, которое помогало быстрее акклиматизироваться и легче переносить разлуку с домом. Например, мы жили в общежитии — и в общежитии в столовой начали готовить для нас индийскую еду.

После практики я вернулся в Бхилаи, и 4 февраля 1959 года там пустили домну. Приехал президент Индии, доктор Прасад. Он нажал кнопку и пустил доменную печь номер один... Это было очень торжественно, когда вспыхнул в печи первый огонь.

4. Хабаров

А как же, помню, я сам эту первую печь зажигал. Вообще-то печь всегда зажигают дровами, чтобы сначала тяга получше была... А дерево там было какое-то твердое, как металл, я боялся, что плохо гореть будет... Загрузил в домну ящики из-под нашего оборудования. Полыхнуло — и сосной магнитогорской запахло, этот запах мне многое напомнил...

Когда Магнитка только начиналась, я мальчишкой был. Весь тогдашний Магнитогорск был из сосны — бараки, где первостроители жили, цирк на третьем участке, где художник Москаленко за окошком сидел, а я к тому окошку бегал...

5. Кульвант Сингх Наги

Если Бхилаи сейчас хорошо работает, то это из-за помощи советских специалистов, которые не чувствовали, что они из другой страны. План работ они чувствовали, как свой план.

Почти каждую неделю раз или два мы встречались с мистером Каменским и после работы. Он бывал у меня, я был у него дома. Его жена, мадам Наташа, принимала меня. Я очень сдружился с Каменским, он моложе меня, но он мне как брат... Он и сейчас бывает в гостях у меня, часто приезжает. Я хожу к нему, как раньше в Бхилаи.

6. Каменский

Какое главное человеческое качество мистера Наги? Он безотказный, то есть очень деловой, очень трудолюбивый и точный, и полностью он предан своему делу, металлургии. Мы с ним оба — старые волки, металлурги...

7. Кульвант Сингх Наги

Говорили мы и за столом о работе. Вы понимаете, когда встречаются два металлурга... Жены наши бывали очень недовольны, потому что разговаривали

мы только о работе. В таком городе, где завод — самая главная вещь, очень трудно говорить о чем-то другом. А мистер Каменский специалист такого класса, что у него все время есть чему учиться, он в Бхилаи показал нам много изобретений: крепление свода, сцепление тележки — все это он хорошо сделал, мистер Каменский...

Была у нас большая авария с изложницами. Мы портили изложниц больше, чем можно было. Браковали больше нормы. Было трудное положение. Супруга Каменского тоже помогала, и я не знаю, кто больший эксперт — мистер Каменский или его супруга. Наташа Каменская тоже металлург, пишет книги по металлургии. Она осмотрела с ним весь процесс работы и дала рекомендации. После этого у нас изложниц было больше, чем по норме.

У нас на заводе в Бхилаи шесть доменных печей. Когда начали работать на первой большой печи, это печь номер четыре, наши люди были еще немножко неопытны для работы на больших печах. Была неправильная шихтовка. И печка начала остывать. И каждый день она умирала. Тогда была срочная телеграмма на Магнитогорский завод. Я слышал, люди даже не поехали домой, сразу на самолет — и в Индию...

8. Хабаров

Прилетели мы, на нас все с тревогой смотрят и с надеждой. Поехали сразу смотреть печь, она тогда была самая крупная в Азии. В ней комом застыл чугун. Она остывала медленно, умирала. Авария на печи — это страшное дело.

Англичане и западные немцы тоже смотрели печь и советовали взрывать ее, строить новую. Это год работы.

Директор комбината держит прямой провод с Дели, ждет, что мы скажем. Мы печь обошли, посмотрели, прикинули: можем вывести застывший чугун за двенадцать дней!

Прямо в цехе поставили нам кровати, холодильники с мандаринами. Я мандарины рабочим раздаю, работаем в жаре вместе, вдуваем кислород через фурмы и выводим помалу чугун через лётки — какой чугун, магма, мусор...

9. Кульвант Сингх Наги

Все силы были брошены на то, чтобы спасти эту печь. И меня на это время брали от мартена помогать.

Там были лучшие доменщики Советского Союза. Мистер Хабаров, мистер Сагайдак. Мистер Хабаров был с Магнитогорского завода, мистер Сагайдак работал на каком-то северном заводе, в Новокузнецке или Магнитогорске, я не помню. Мне он очень понравился своим спокойствием. Обычно люди очень беспокоятся, но он знал, что все будет в порядке. И был порядок там.

У нас в Бхилаи работают люди из разных каст. Они работают и живут как братская семья. Никто не чувствует, что он индус, или мусульманин, или сикх... Нет, этого нет. И с советскими мы жили так, как будто они наши люди, мы не считали их иностранцами. Я двадцать четыре года работал в Бхилаи, и я очень близко видел советских товарищей. Все уважали их работу.

Когда завод в Бхилаи в первый год после пуска достиг проектной мощности, другие заводы, в Роуркеле, в Дургапуре, еще не могли этого. И правительство дало разрешение на расширение завода именно в Бхилаи. И начали строить еще один завод с советской помощью — это Бокаро.

У нас появилась своя сталь в Индии. Мы ввозили сталь, а сейчас можем помогать другим странам сталью, которая обойдется им дешевле, чем привезенная издалека. Почти 25 стран покупают у нас сталь и чугун.

10. Хабаров

Рисовать я с малых лет начал. В цирке был художник Москаленко, я бегал к окошку смотреть, как он рисует. Раз прибежал — он не замечает. Два прибежал — не видит он меня. Только на третий раз сказал: «Иди, буду тебя учить...» В 1939 году я приз получил, книгу «Приключения Тома Сойера», за рисунок «Голова собачки».

И после войны рисовал и учился рисовать, ходил по мастерским художников магнитогорских и смотрел...

В Индии сразу начал рисовать. Шариковой ручкой или стержнем набросок на самом солнцепеке сделаю — и в тень прячусь, потом кладу цвет... Но ничего у меня не выходило поначалу. Не мог я поймать цвета жаркого солнца индийского.

Всматривался я в лица. Когда первый раз в 1958-м прилетели, все таким чужим и непонятным казалось: люди, растения, солнце... А когда в 1972-м в третий раз прилетел, домны в Бхилаи реконструировать, уже это было как к старым знакомым. И они встречали меня как старого знакомого: «О, мистер Хабаров приехал! Намастэ! Намастэ!»

Тогда у меня и пошел рисунок и цвет. Двести эскизов, набросков, картин нарисовал я в тот раз и многие раздарил. (В в е р х у н а с н и м к а х: репродукции картин К. Ф. Хабарова.)

Бхилаи уже совсем другой стал. Большой город, чистый, красивый вырос вокруг комбината. Стадион есть, клуб советско-индийской дружбы. Мой старый знакомый рабочий Сингх меня в гости на кофе зовет в свою квартиру.

И парк в городе есть, мы деревца с индийцами вместе сажали.

11. Кульвант Сингх Наги

Да, сейчас Бхилаи — огромный город. Увеличилось население — сразу появились больница, медпомощь, школа, колледж, институт, общественный транспорт...

И устроили выставку картин мистера Хабарова. Самого мистера Хабарова я не очень хорошо знал, а картины его видел. Он не рисовал Дели и Бомбей, а обычную рабочую жизнь крестьян и металлургов: он показал поле, буйволов, завод... Откуда-то он знал так хорошо нашу жизнь.

Я работал в Бхилаи до 1981 года, начинал на заводе как мастер мартеновских печей, стал начальником смены, потом начальником цеха, потом главным сталеплавильщиком, потом заместителем главного инженера завода. И все это время я работал вместе с советскими товарищами. У них открытая, добрая душа. У индийцев тоже широкая душа. Мы близки друг другу.

Рассказы мистера НАГИ, К. Ф. ХАБАРОВА и Ю. А. КАМЕНСКОГО записал А. ПОЛИКОВСКИЙ

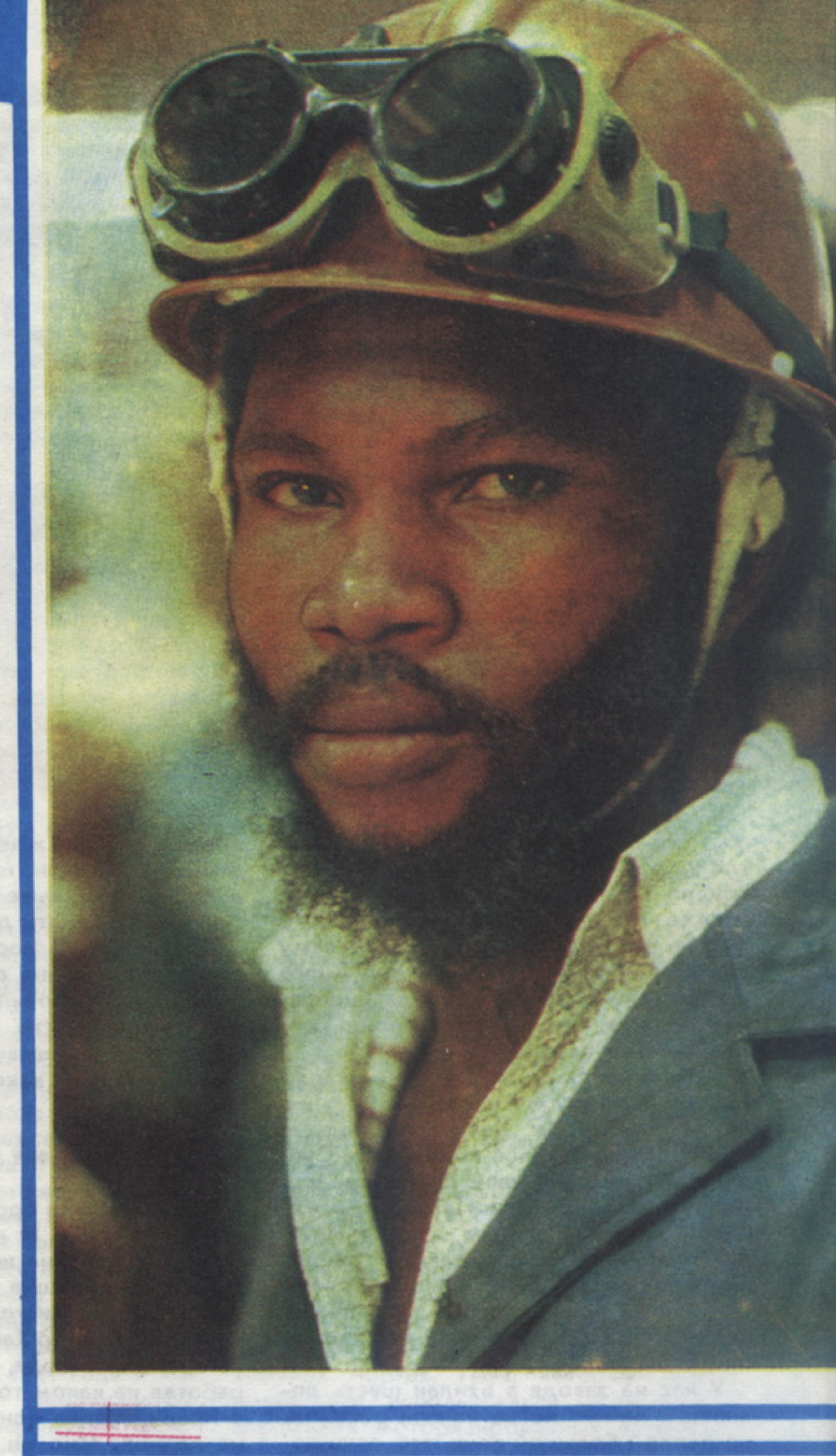
ВСЕМИРНЫЙ

ЛУАНДА. В столице Анголы прошел международный трибунал «Дети обвиняют империализм». В нем участвовали представители пионерских и детских организаций из Европы, Азии, Африки и Латинской Америки. В качестве обвинителей на заседаниях трибунала выступили дети из многих стран, они представили фотографии, документы, свидетельства очевидцев, обличающие преступления империализма, расизма и сионизма во всем мире.

БУХАРЕСТ. Связь учебы с производством — первостепенная задача румынской школы. Более 5400 школ-мастерских готовят квалифицированных рабочих. Для лицеев и школ агропромышленного профиля отведено 9630 гектаров земли, на которых организованы учебные фермы. Большинство учащихся проходит подготовку непосредственно на предприятиях, участвуя вместе с кадровыми рабочими в выполнении производственных заданий.

ВЬЕНТЬЯН. Прошло немногим более восьми лет со дня провозглашения Лаосской Народно-Демократической Республики. За эти годы в стране почти полностью ликвидирована неграмотность. В 1974 году лишь сорок процентов лаосцев умели читать и писать. Теперь, как сообщает местная печать, девяносто семь процентов населения страны овладело грамотой. Число учащихся в начальных школах удвоилось, количество студентов вузов и училищ увеличилось в пять раз.

ЛАГОС. Крупнейший в Африке металлургический комплекс сооружается с помощью Советского Союза в Нигерии. Пять лет назад первые бульдозеры прибыли в рыбачий поселок Айаокута на западном берегу реки Нигер, а летом 1983 года металлургический гигант, строительство которого еще продолжается, уже выпустил первую сталь. Сотни молодых нигерийских инженеров, техников и высококвалифицированных рабочих, занятых на строительстве в Айаокута, получили и продолжают получать специальное образование в Советском Союзе. Промышленное освоение западного берега реки Нигер должно не только дать мощный толчок индустриальному развитию страны в целом, но и коренным образом изменить жизнь тысяч людей в этом пока еще отсталом районе: вместе с заводскими цехами растет и город на 80 тысяч жителей. Учитывая острую потребность развивающейся нигерийской экономики в стали, строительство металлургического гиганта ведется самыми ускоренным темпами.

На снимке: молодой металлург Айаокуты.

БЕРЛИН. «Молодежной деревней» называют жители ГДР деревушку Адельсдорф, основанную еще в 1266 году. Почему «молодежная», если по возрасту к молодежи относится лишь 44 процента из двухсот четырнадцати ее жителей? В майские дни сорок пятого именно в этой деревне кучка эсэсовцев, продолжая бессмысленное кровопролитие, заняла круговую оборону. И к 8 мая Адельсдорф превратился в развалины. А в феврале 1946 года сюда приехали мальчишки и девчонки (средний возраст — 15 лет) и построили новую деревню, которую назвали «Молодежной». Первый президент ГДР Вильгельм Пик сказал новоселам Адельсдорфа: «Вы научились строить на развалинах. Научитесь теперь создавать отношения, которые никогда не приведут вас к таким вот руинам». Давно уже стали взрослыми и даже пожилыми те юные строители, но «Молодежная деревня» остается молодой. Жители Адельсдорфа выбрали на пост бургомистра Катрин Хадуллу, которой всего-то двадцать один год. Члены местной ячейки ССНМ построили своими руками и практически без дотаций молодежный клуб и оборудовали его по своему вкусу. С завидной регулярностью (не реже двух раз в месяц) гремит в деревенском клубе дискотека, что отнюдь не мешает проведению «семейных вечеров» — танцевальных программ для людей любого возраста. А особой заботой и вниманием окружены в «Молодежной деревне» старожилы — много ли, например, найдется деревень, где день рождения каждого, кому перевалило за шестьдесят пять, торжественно празднуется в сельсовете?

На снимке: в обеденный перерыв перед молодежным клубом.

КАБУЛ. В Демократической Республике Афганистан разработана программа культурного развития, вовлечения в активную экономическую и общественную жизнь сотен тысяч белуджей, издавна живущих в южных районах Афганистана. Племена белуджей в основном занимаются охотой, рыбной ловлей, кочевым скотоводством. Еще несколько десятилетий назад этот народ не имел даже своей письменности. Сейчас созданы школы, выпущен букварь на языке балучи, подготовлен сборник фольклора, историческая монография «Кто такие белуджи?». Еженедельно выходит газета на языке балучи «Соб» — «Победитель», афганское радио через день передает специальные программы. Представители народа белуджи учатся сейчас в Кабульском университете, политехническом и медицинском институтах. Для них открывается все больше школ.

ЭСТЕЛИ. Значительным общественным событием в жизни этого никарагуанского города стал заключительный концерт III национального фестиваля любительского искусства молодых. Сандинистская молодежь имени 19 июля проводит подобные фестивали с 1981 года. Сначала в поселках и городах, потом в департаментах в течение всего года идут просмотры любительских коллективов и солистов. Выступают участники фестиваля не в концертных залах, а в воинских частях, на площадях городов, в сельских кооперативах. Местом проведения III фестиваля не случайно стали северные департаменты Никарагуа. Именно у северных границ страны сконцентрированы отряды недобитых сомосовцев, гондурасские войска, батальоны сальвадорских и гватемальских карателей, именно сюда прибывают все новые подразделения частей армии США. Поэтому фестиваль стал демонстрацией решимости молодых патриотов защитить революцию и национальный суверенитет Никарагуа.

БИСАУ. В столице Республики Гвинея — Бисау состоялся многотысячный марш мира под лозунгом «Африка — зона мира». В нем приняли участие представители молодежных и студенческих организаций Европы, Азии, Африки и Латинской Америки.

МОСКВА. «Дадим шар земной детям» — под этим девизом на Московской международной книжной ярмарке прошла выставка лучших работ очередного конкурса детского рисунка. Почти 13 тысяч рисунков из сорока стран прислали ребята на конкурс, своего рода детская глава в тысячетомном собрании книг ярмарки. Глава о ненависти к войне, глава мечтаний о мире и дружной, радостной жизни.

На снимке: победители конкурса — девочки из Индии, Польши и Советского Союза.

ПНОМПЕНЬ. Первый съезд Ассоциации революционной молодежи Кампучии обсудил задачи, которые предстоит в ближайшем будущем решать молодому поколению. Возрождение Кампучии идет в сложных условиях, империалистические силы организуют вооруженные провокации и политические диверсии против республики. Поэтому на съезде была особо отмечена необходимость укрепления организационного и идейного единства кампучийской молодежи. Съезд призвал юношей и девушек активно участвовать в осуществлении революционных преобразований, в развитии экономики страны. Большое внимание было уделено задачам возрождения национальной культуры.

На снимке: студенты Школы изящных искусств овладевают секретами древних традиционных ремесел кхмерского народа.

ПРАГА. Юноши и девушки Чехословакии активно участвуют в международной эстафете патриотических дел «Память», которая посвящена 40-летию освобождения Европы от фашизма. Содержание эстафеты очень разнообразно. Это и встречи с участниками революционных событий и национально-освободительной борьбы, и запись их воспоминаний, и сбор исторических документов, создание залов и уголков славы. Участники эстафеты пройдут по местам боев, организуют шефство над памятниками героям и семьями погибших. Состоялись теоретические семинары, конкурсы политической песни, манифестации молодежи за мир. Для самых юных граждан ЧССР организуется пионерская патриотическая игра.

ВЫБОРГ. Здесь, на Красной площади города, состоялся многотысячный антивоенный митинг советской и финской молодежи. На сотнях плакатов были начертаны слова: «Нет — войне! Нет — гонке ядерных вооружений!» Выступавшие на митинге заявили о необходимости положить конец гонке вооружений. Участники встречи приняли обращение к молодежи и молодежным организациям Европы, призвав всех юношей и девушек континента сделать все возможное для предотвращения ядерной катастрофы.

ЭРДЭНЭТ. Тысячи монгольских юношей и девушек связали свою судьбу с крупнейшим на Азиатском континенте предприятием, первенцем цветной металлургии МНР, совместным монголо-советским горно-обогатительным комбинатом «Эрдэнэт». Со дня пуска его первой очереди прошло пять с лишним лет, а недавно комбинат досрочно достиг проектной мощности, строительство его было завершено. Опережению намеченных сроков способствовала высокая квалификация рабочих, инженеров, техников. На комбинате создан учебный центр, где за пять лет подготовлено около 3 тысяч рабочих, широкое распространение получили индивидуальное обучение и наставничество. Были созданы интернациональные смены, бригады и экипажи водителей автомашин, экскаваторщиков, бульдозеристов из советских и монгольских рабочих.

Верховный главнокомандующий этих людей, до зубов вооруженных самыми современными орудиями убийства, президент самой могущественной капиталистической страны Рональд Рейган любит порассуждать о своей приверженности миру, в то время как его солдаты несут народам Гренады и Ливана страдания, разрушения, смерть. Старая уловка всех империалистических агрессоров! Ее разоблачил еще в 1915 году В. И. Ленин, когда писал: «За мир вообще стоят безусловно все вплоть до... Гинденбурга и Николая Кровавого, ибо *каждый* из них желает кончить войну: — вопрос именно в том, что каждый ставит империалистские (т. е. грабительские, угнетающие чужие народы) условия мира в пользу «своей» нации».

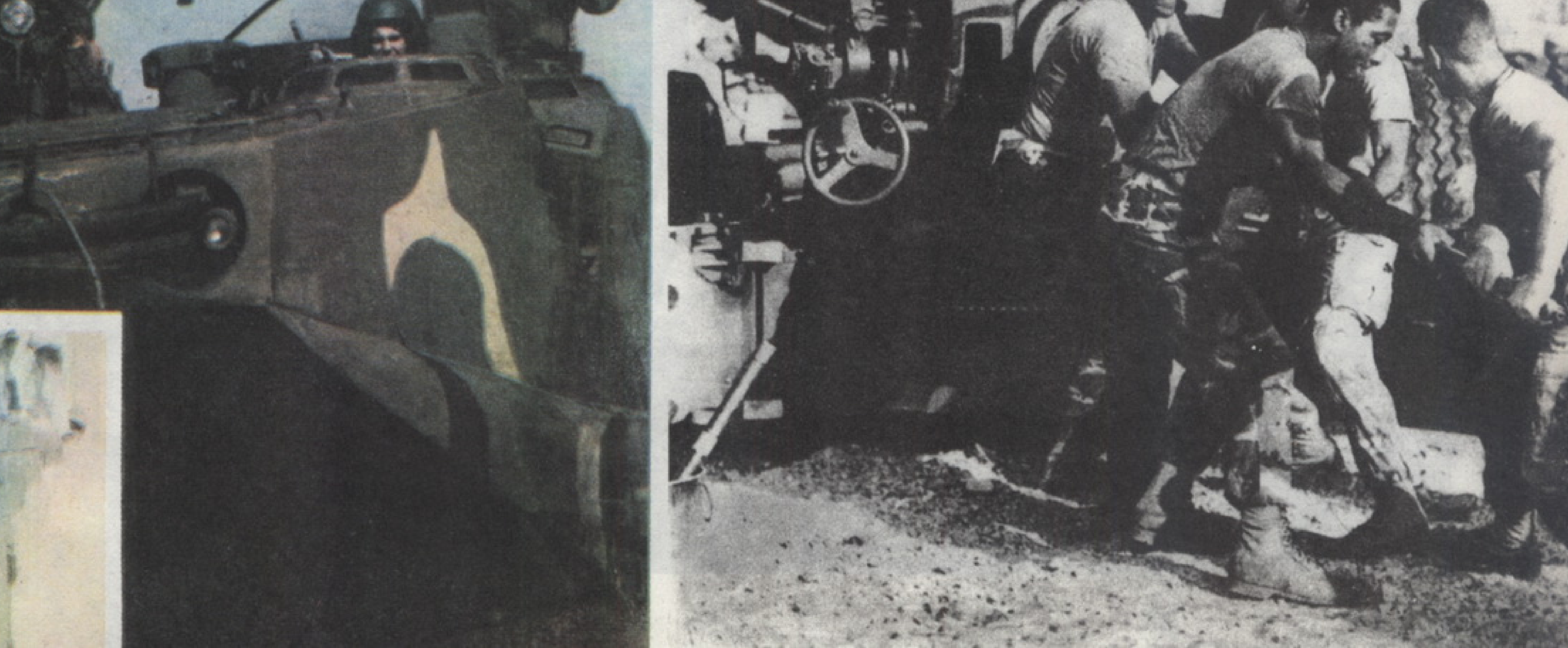
На снимках: агрессия во имя «жизненных интересов» США против Гренады (верхний ряд) и Ливана (нижний ряд).

смотрите!

Война наполняет карманы капиталистов, которым течет море золота...

В. И. Ленин

За время, которое необходимо, чтобы прочесть напечатанную на этом развороте статью, в Соединенных Штатах Америки будет израсходовано 3 000 000 долларов на производство всевозможных орудий убийства людей, или, как принято говорить, на вооружение.

В час военные расходы США составляют 24 миллиона, в день — 576 миллионов, в год — 210 миллиардов долларов!

Впрочем, и эти баснословные цифры за время, пока этот номер «Ровесника» находится в производстве, успеют устареть. Военный бюджет США в 1984 году возрос по сравнению с прошлым годом на 43 миллиарда и составил 253 миллиарда долларов. Сколько это будет в день и час, легко подсчитать, а вот что означают эти расходы на изготовление самых изощренных орудий массового убийства, помимо растущей угрозы войны, чей корыстный интерес и чья алчность нагнетают эту угрозу, за чей счет оплачиваются миллиардные прибыли военных корпораций,— об этом подборка очерков и статей, опубликованных на следующих страницах.

Вглядываясь в предшествующую историю капиталистического разбоя, предопределившую начало первой мировой войны, В. И. Ленин писал в 1900 году: «...ради наживы кучки капиталистов буржуазные правительства вели бесконечные войны, морили полки солдат в нездоровых тропических странах, бросали миллионы собранных с народа денег, доводили население до отчаянных восстаний и до голодной смерти. Вспомните восстания индийских туземцев против Англии и голод в Индии, или теперешнюю войну англичан с бурами».

Выступая в ходе предвыборной кампании в ноябре 1983 года, известный негритянский общественный деятель США Джесси Джексон заявил: «Когда я смотрю на Америку, я вижу десять миллионов трудоспособных мужчин

КОМУ ЭТО ВЫГОДНО?

На снимках: слева — 1916 год. Англия. В одном из цехов оружейного завода идет подсчет снарядов и барышей; справа — 1983 год. ФРГ. Военные промышленники наблюдают за испытанием новых противотанковых орудий.

и женщин, которые не могут найти работу. Перед моими глазами встают бездомные, очереди за бесплатной похлебкой. Я вижу три миллиона человек, которые вынуждены жить на пособия по социальному вспомоществованию, вижу, как закрываются школы и вместо них строят тюрьмы. Во внешней политике я вижу, как наше правительство объединяет свои силы с самыми репрессивными, антидемократическими режимами ЮАР и Сальвадора, как наши парни вынуждены умирать на чужих землях в ходе необъявленных войн».

Иными словами, за 80 с лишним лет грабительская суть капитала осталась неизменной. И сегодня, как и в начале века, «...ради наживы кучки капиталистов буржуазные правительства...» и в первую очередь нынешняя вашингтонская администрация во главе с президентом готова на любые преступления против народов, в том числе и американского.

Документальными свидетельствами этих преступлений против народов Гренады и Ливана могут служить фотографии, помещенные под рубрикой «Смотрите!» в этом номере «Ровесника». Что же касается американского народа, значительная часть которого стараниями блюстителей «национальных интересов» обречена на безработицу, нищенское существование и голод,— об этом речь впереди.

Предупреждая в свое время об опасности растущего не по дням, а по часам влияния представителей военно-промышленного комплекса, президент Дуайт Эйзенхауэр перед уходом со своего поста говорил: «Движимые необходимостью получать прибыль, они начнут требовать все больше военных расходов». Цифры военного бюджета США, приведенные выше, наглядно свидетельствуют, как услужливо удовлетворяются эти требования администрацией Рейгана. **За чей счет!**

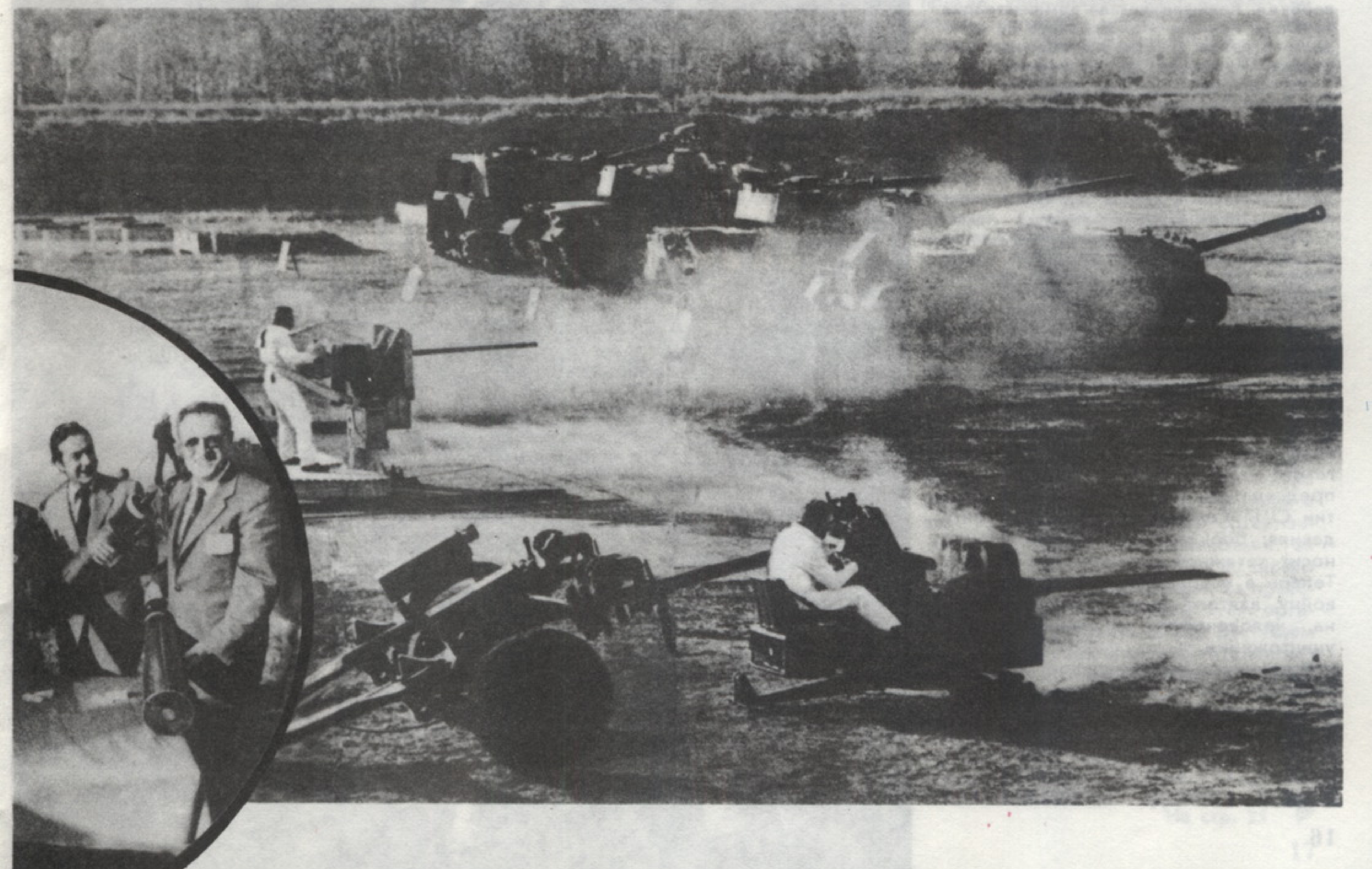
Вот что вынуждены признать, отвечая на этот вопрос, различные издания западной прессы:

«Гражданское производство США оттесняется на задний план, а условия жизни быстро ухудшаются. Поглощение капиталов военно-промышленным комплексом сужает возможности для стабилизации гражданской экономики и создания рабочих мест. Те средства, которые были бы нужны для развития гражданской экономики, поглощаются в ходе финансирования гигантского военного сектора» (западногерманский журнал «Блеттер фюр дойче унд интернационале политик»).

«Правительство не сокращает расходы (как обещал, придя к власти, Р. Рейган.— *Ред.*). Оно иначе расходует средства. Урезывание бюджета — это, по существу, перенесение расходов из одной статьи в другую, и от него больше всего выигрывают военные. В реальных долларах военные расходы выросли с 1980 года на 40 процентов. Между тем, как говорит Марк Хэтфилд, республиканский сенатор от штата Орегон, «60 процентов населения, живущего ниже границы бедности, не получает никакой федеральной помощи, чтобы купить продовольствие, иметь крышу над головой или приобрести одежду» (американский журнал «Нью-Йорк»).

«За четыре года администрация израсходует на программу продовольственных талонов примерно на 7 миллиардов меньше, чем та сумма, которая была бы выделена на эту программу, если бы не было сокращений. За этим скрывается судьба живых людей. Ведь нельзя сказать, чтобы пособия, даже без запланированных сокращений, были щедрыми: в среднем на каждый обед выделяется по 46 центов (40,8 коп.— *Ред.*). Администрация утверждает, что урезает только ненужные расходы, отказывая в помощи «самым богатым» из бедняков. Фактически же сокращены размеры пособий даже для тех людей, чьи доходы значительно ниже официального уровня бедности. К тому же тем, кто получает эти доходы в полном объеме, нелегко будет добиться того, чтобы это положение сохранялось и впредь. Так что нет ничего удивительного в том, что очереди людей, дожидающихся раздачи бесплатного питания, удлинились. Хорошо уже, что президент, наконец, откликается на проблему тяжкой участи американских голодающих хотя бы на словах (!). Если он на самом деле считает голод позором для Америки, было бы еще лучше, если бы он действительно расходовал деньги на то, чтобы накормить голодных» (американская газета «Нью-Йорк таймс»).

Но не тут-то было! Гонка вооружений, развязанная Р. Рейганом, обрекает миллионы граждан самой богатой страны капиталистического мира на голод. **Во имя чего! С какой целью!** Во имя (подумать только!) защиты «национальных интересов». Словно благосостояние граждан вне национальных интересов. Во всяком случае, так понимает национальные интересы Америки президент-миллионер, ставленник миллионеров.

Слов нет, если народу грозит агрессия, он вынужден идти на жертвы, чтобы устранить эту угрозу. Но кто угрожает Америке? Действительно ли гонка вооружений способствует защите национальных интересов США? Вот что пишет по этому поводу старший научный сотрудник института политических исследований Маркос Раскин в американской газете «Вашингтон пост»: «Огромный оборонный бюджет, тенденция отправлять самолеты, корабли и солдат во все очаги осложнений в мире, большое увлечение Америки «силой» и влиянием в самых отдаленных уголках земного шара — все это оправдывается «национальными интересами». На деле политика «национальной безопасности» не принесла никакой очевидной выгоды американской нации как таковой. Да, американские корпорации и американские вооруженные силы сейчас вовлечены в события в значительной части мира, но может ли кто-нибудь сказать, что повседневная жизнь американцев в результате стала лучше? Мы продолжаем исходить из посылки, что то, что хорошо для Экссон или для министерства обороны, хорошо для всей страны. Но это глупость». Если бы только глупость! Это сознательный обман нации «ради наживы кучки капиталистов...».

Так куда же, в чей карман идут миллиарды, выжатые из безработных, бездомных, голодных? **Кому это выгодно!** Вот что пишут об этом:

«Шпигель»: «С вступлением Рейгана на пост в Белом доме военная промышленность праздновала свое включение в «супербум». Калифорнийская администрация Рональда Рейгана — иного никто не ожидал — открыла ворота для военных концернов наконец-то во всю ширь».

«Вашингтон пост»: «Вскоре после того, как Рейган выступил со своей речью о «звездных войнах» (призывом перенести гонку вооружений в космическое пространство.— Ред.), военный специалист компании «Сайрус Лоуренс» издал бюллетень для вкладчиков капитала под красноречивым названием «Деньги с неба».

А вот рассказ о том, как делаются «деньги с неба», приведенный журналом «Нью-Йорк»: «На прошлой неделе сенатор Уильям Рот жаловался, что ВВС закупили модифицированные гаечные ключи — эти куски стали, которые, по словам Рота, должны стоить не более 10 долларов за штуку,— заплатив за каждый из них по 9 тысяч 609 долларов». Вот так!

«Мир, справедливость и демократия продолжают оставаться мечтой всего человечества,— говорил в интервью газете «Дейли уорлд» Национальный председатель Коммунистической партии США Генри Уинстон.— Эта мечта давняя; борьба за ее осуществление носит затяжной и упорный характер. Теперь в условиях курса на ядерную войну, взятого правительством Рейгана, человечеству угрожает прямое уничтожение.

Источником этого варварства служат американский империализм вообще и правительство Рейгана в частности. **АМЕРИКАНСКИЙ КАПИТАЛИЗМ, ТАК ЖЕ КАК И КАПИТАЛИЗМ ПОВСЮДУ, ПОРОЖДАЕТ ВОЙНУ. ЭТО ПРИСУЩЕ САМОЙ ПРИРОДЕ КАПИТАЛИЗМА».**

"ЧИСТАЯ" ВОЙНА?

Самуэль Х. ДЕЙ,
американский журналист

Они, все в строгих костюмах, сидят за столами, покрытыми скатертями, в бальном зале студенческого корпуса бостонского университета «Джордж Шерман» и одобрительно смеются, когда ведущий ставит слайд и на экране появляется текст:

«Лук — оружие простое; огнестрельное оружие — сложная вещь, которая часто и по разным причинам ломается. Тогда как лучник за минуту делает шесть прицельных выстрелов, у мушкетеров на один выстрел уходит две минуты. Сэр Джон Смит, консультант Британского тайного совета, 1591 год».

Так начал свое вступительное слово на ежегодной конференции по исследованию и разработке новых систем оружия, проводившейся институтом аэронавтики и астронавтики, Леонард Уэйсберг, вице-президент аэрокосмической оборонной группы корпорации «Ханиуэлл». Смех аудитории убедил его в правильности заданного тона, и он продолжил тему «мини-переворотов» в системах оружия: ракеты радио- и лучевого наведения, обнаружение подлодок, видение в темноте и тумане, раннее оповещение, самонаводящиеся ракеты и т. д. Тридцать пять бизнесменов, присутствовавших в зале, подались несколько вперед, чувствуя — сейчас речь пойдет о том, зачем они сюда пришли,— запах больших денег, которые сулят военные планы администрации Рейгана.

Я сел так, чтобы получше рассмотреть наш военно-промышлэнный комплекс (точнее, представителей его аэрокосмической группы). Всех нас — и других, на улице, за стенами «Джорджа Шермана» (о них я скажу позже) — привлекло к конференции обещание в брошюре, выпущенной устроителями: «Возможно, правительство намерено выступить с новыми, очень рискованными и очень прибыльными инициативами!»

Смысл слов был достаточно ясен: пентагоновский бюджет на военные исследования к 1985 году должен достичь тридцати двух миллиардов долларов, и конференция берется помочь некоторым фирмам принять участие в освоении этих средств.

«Эра Рейгана,— говорилось далее в брошюре,— означает новые возможности в научном исследовании и разработке военных систем и ставит новые задачи перед капитанами индустрии». За четыреста двадцать пять долларов (цена входного билета) докладчики из Пентагона, фирм, производящих оружие, близко знакомые с предметом, информировали о последних веяниях, наметившихся в развитии военной техники. Такой шанс упустить было никак нельзя.

За два дня конференции я узнал, что направления в развитии военной техники при президенте Рейгане никак существенно не изменились по сравнению с теми, что были раньше: пентагоновские технократы по-прежнему тяготели к «чистой» войне — войне, которую будут вести компьютеры.

Я понял также, что мелким представителям военно-промышленного комплекса, несмотря на обещание большой прибыли от участия в подготовке компьютизированной войны, урвать ничего не удастся.

Мой сосед слева, представлявший небольшую фирму с полдюжиной консультантов по компьютерам, сидел с кислой миной. «Конечно, это весьма ценная информация»,— пробормотал он, но перестал делать записи. Между тем представитель Пентагона поставил слайд, касающийся проекта по сверхскоростным интегрирующим схемам. В первой стадии этого трехсотмиллионного проекта уже принимали участие такие гиганты, как «Хьюз эйркрафт», «Техас инструментс», «Вестингауз», ИБМ, «Ханиуэлл». По-видимому, мой сосед понял, что из этих трехсот миллионов долларов ни ему, ни какой другой мелкой сошке, попавшей на конференцию, ничего не перепадет.

Ведущие перечислили ряд областей военных исследований, где доходы обещали быть наибольшими: разработка технологии военного производства, высокоточные управляемые снаряды, лучевое оружие — лазерное и пучковое, микроволновые системы большой мощности, химическое оружие.

Кто-то спросил Леонарда Уэйсберга, может ли статься, что последние открытия в микробиологии — рекомбинация ДНК, создание организмов с новыми качествами явятся началом переворота в химической и бактериологической войне, такого, какой в свое время сделала атомная бомба.

— Да,— сказал он, не задумываясь.— Все, что происходит сейчас в генетике, неотвратимо ведет к тому, что в этой области произойдет нечто весьма значительное.

Его ответ прозвучал как обещание роста доходов на подготовке к генетической войне.

Представитель одного из отделений «Локхид» и мой сосед справа удивленно разглядывал оранжевый лист бумаги. Когда после перерыва мы возвращались в зал, кто-то вручил ему эту листовку. Под рисунком грибообразного облака был текст: «Планирование войны не может быть дорогой к миру, это дорога к войне... Торговцы смертью делают богатых богаче, а каждого из нас потенциальной мишенью своего оружия... Мы требуем уничтожения машины войны сейчас же!..»

— Как вы думаете, они имеют в виду нас? — спросил он.

С враждебным отношением к конференции мы столкнулись, едва она началась. У входа в студенческий корпус «Джорджа Шермана» нас ждал лозунг: «Война — это убийство ради прибыли!» На асфальте мы увидели нарисованные мелом грибообразные облака; изображая мертвых, тут же лежали люди. Каждый раз участникам конференции приходилось обходить лежавших, входя и выходя из здания.

«...Эти тела должны напомнить нам о насилии, смерти, о сотнях тысяч сожженных в Хиросиме и Нагасаки, о ядерной войне, которую мы можем предотвратить, о пытках, о страданиях»,— говорилось далее в этой листовке, подготовленной кембриджской организацией «Брашфайер грэфикс».

Хиросима? Нагасаки? Делегаты конференции качали головами и отворачивались, словно отказываясь понимать столь неуместные слова. «Мертвецы» у входа казались непристойными карикатурами на то, что происходило в бальном зале, где люди были заняты серьезным бизнесом.

До меня вдруг дошло, что ни на одном слайде, из показанных на конференции, не было трупов — ничего опасного для здоровья человека. Один из слайдов изображал, как бомбардировщик сбрасывает «управляемый снаряд», летящий к «неприятельской цели». Но сама цель, чем бы она там ни была, осталась за кадром. Речи о результатах применения оружия так ни разу и не зашло.

В течение двух дней нам показывали слайды с изображением командиров, отдающих приказы к атакам (надо полагать, ядерным) через безлюдные поля и горы на безлюдные военные цели. И нигде ни капли крови. Часто, правда, упоминались «неприятельские силы», «угроза», иногда даже «Советы». Как правило, цели всей этой игры — стоимостью в тридцать два миллиарда долларов — оказывались безымянными, безличными, бестелесными, бескровными, словно «неприятель» в видеоигре пинг-понг.

Но одна картинка все-таки давала некоторое представление. Слайд был показан представителем ВМС: подлодка близ некоего неприятельского берега, осуществлявшая «операцию по минированию», одновременно ядерными ракетами и торпедами уничтожала приближающиеся самолет, вертолет и два надводных судна. Вдали за грядами прибрежных холмов какаято большая необозначенная цель исчезла под ударом ракеты средней дальности «Томагавк». Шлеп!

Как я узнал позже, против нашей конференции протестовала не только «улица», «неприятель» проник даже в зал заседаний. Бостонская организация «Техническая интеллигенция за мир» прислала на конференцию своего представителя. Впоследствии на пресс-конференции, устроенной этой организацией, говорилось о «все растущем беспокойстве технической интеллигенции, вынужденной работать по военным контрактам».

В бальном зале нам были розданы многочисленные брошюры, информирующие о следующих конференциях подобного рода. Эти бумаги, пестря-

На стр. 25 ▶

На снимках: вверху — 1918 год. Гамбург. Военный госпиталь; внизу — 1968 год. Госпиталь в провинции Куангнинь (Вьетнам). Жертвы американских бомбардировок.

ДЕНЬГИ С НЕБА

Майкл ПАРЕНТИ,
преподаватель политических наук
Вашингтонского института
политических исследований

В США бесконечно увеличиваются ассигнования на военные нужды ради обеспечения прибылей корпораций, а вовсе не во имя интересов «национальной безопасности». Именно военно-промышленный комплекс многократно вызывал из небытия призрак советского военного превосходства, чтобы бесконечно черпать деньги из общественного кошелька. В 1956 году американский народ пугали опасным «отставанием в количестве атомных бомб», в 1960-м твердили об «отставании в количестве ракет», в 1967-м — об «отставании в количестве противоракетных средств». Впоследствии каждый раз выяснялось, что никакого отставания не существует. Но эти «открытия» делались лишь после утверждения конгрессом многомиллиардных ассигнований на программы производства бомб, ракет и противоракетных средств. Из сказанного ясно, что ссылки на кризис международной обстановки каждый раз используются в качестве повода для увеличения военного бюджета, в то время как сама наша социальная система порождает реальный кризис и распространяет его на весь мир.

Корпоративная (капиталистическая.— Ред.) экономика поражена застоем, и только корпорации, занятые военным производством, получают стабильные, гарантированные государством прибыли. Поэтому для предпринимателей военное производство — самая надежная область вложения капитала. Каждый доллар, вложенный в военную промышленность, многократно окупается, правительство не жалеет субсидий на военное производство, примерно пятая часть всей экономической активности в Соединенных Штатах находится в прямой зависимости от военных расходов.

В 1974 году тогдашний министр обороны США Джеймс Шлесинджер оправдывал очередное увеличение военного бюджета тем, что оно якобы сможет стимулировать отстающую экономику. Тем самым он признал, что рост ассигнований, выделяемых Пентагону, определяется, как писала «Нью-Йорк

таймс», «скорее внутренними финансовыми соображениями, чем потребностями вооруженных сил США».

Но уже давно доказано, что увеличение военных расходов — отнюдь не самый эффективный способ лечения экономики. Деньги, вложенные в военную промышленность, создают меньше рабочих мест в расчете на каждый миллиард долларов, чем средства, направленные правительством в любую другую отрасль экономики. Трудящиеся Соединенных Штатов могли бы каждый год получать почти 1,25 миллиона дополнительных рабочих мест, если бы средства, истраченные на военное производство, были использованы для удовлетворения мирных потребностей и нужд общества. Но этот довод абсолютно несовместим с интересами хозяев монополий и корпораций, потому что капиталы, вложенные в военное производство, хотя и не создают наибольшего количества рабочих мест, но зато дают наибольшую прибыль.

Военное производство пожирает сырье, которое отнимает у гражданских отраслей. Военная промышленность самый крупный, не имеющий себе равных потребитель нефти, угля и ядерной энергии, один из крупнейших потребителей стали, ценных минералов и металлов, воды и земли. Кроме того, военная промышленность самый крупный потребитель налогов. К примеру, большая часть налогов, которые платят жители Нью-Йорка, идет на нужды Пентагона, а не на удовлетворение потребностей Нью-Йорка. Таким образом, мы оплачиваем многомиллиардное пиршество военных корпораций, в то время как детские сады, школы, больницы и лечебницы закрываются из-за нехватки средств.

Значительная часть военного бюджета расходуется впустую из-за ненужных трат, дублирования и плохой организации дела. Только за одно десятилетие по меньшей мере 68 крупных систем вооружения были признаны непригодными. Это означает, что десятки миллиардов долларов были брошены на ветер. Сухопутные силы США выделили 1,5 миллиарда долларов на создание нового типа тяжелого транспортного вертолета, хотя подобного типа вертолеты у них уже были.

Доводы против огромных затрат на военные нужды звучат неопровержимо, если мы исходим из того, что национальная экономика должна служить удовлетворению потребностей налогоплательщиков, трудящихся, граждан страны. Но если мы допустим, что у национальной экономики существует только одна задача — обеспечивать сверхприбыль тем, кто держит ее в своих руках, тогда аргументы за ограничение военных ассигнований становятся неуместными, ибо истина в том, что военные расходы жизненно необходимы корпорациям Америки. Объясняется же это следующим.

Во-первых, рынок вооружений гарантирует бесконечно растущий спрос. Ведь речь идет о производстве изделий, которым неизбежно присуще быстрое устаревание.

Во-вторых, деньги налогоплательщиков практически избавляют корпорации от риска, государство этими деньгами оплачивает предпринимателям стоимость производства и сбыта военной продукции. В отличие от владельцев, например, автомобилестроительных заводов, которые должны беспокоиться о сбыте машин, производителям военной продукции гарантирована прибыль, превышающая затраты на 300—700 процентов.

В-третьих, все расходы по разработке и производству вооружений оплачиваются правительством. Таким образом, фирма, заключившая контракт, вкладывает в дело сравнительно небольшой собственный капитал.

В-четвертых, все это делает военную промышленность самым доходным бизнесом из всех существующих. Прибыли, получаемые здесь, во много раз превышают доходы, которые можно получить в гражданских отраслях экономики.

Другими словами, военные расходы являются опустошающим расточительством, если говорить о них с точки зрения социальных и человеческих ценностей, но они просто великолепны, если встать на точку зрения корпораций,— это самое выгодное помещение капитала и самая высокая прибыль.

С точки зрения военного промышленника, расточительство — давать пособие безработным, производить товары, не приносящие максимальной прибыли, платить налоги, которые пойдут на помощь многодетным матерям. Мораль, господствующая в военном производстве, отражает более широкие нравственные нормы, в соответствии с которыми живет вся капиталистическая экономика.

Некоторые критики колоссальных военных бюджетов утверждают, что бессмысленная трата средств, выделяемых на военные нужды, и спекуляция военными заказами приняли угрожающие масштабы и что бюджет Пентагона вполне можно урезать на десятки миллиардов долларов, при этом военные возможности США ничуть бы не пострадали. Однако думающие так люди забывают, что сокращение военных расходов губительно подействовало бы на десятки корпораций, что с Пентагоном связано благополучие не только крупнейших монополий, но и связанных с ними более мелких предпринимателей, чиновников, научно-исследовательских учреждений, военных специалистов, оптовых торговцев и инженеров. Эти миллионы людей составляют значительную часть нашей военной промышленности.

Конечно, в конце концов чрезмерные военные расходы могут разрушить всю американскую экономику, потому что они вызывают безудержную инфляцию и чудовищный социальный и экономический хаос. Но владельцев корпораций не волнует, что будет «в конце концов», их заботит лишь распределение бюджетных ассигнований на следующий год. Они не беспокоятся ни об обществе, ни об окружающей среде, ни о плачевном состоянии системы социальных услуг, ни о тяготах бедняков, ни о судьбе еще не рожденных поколений. Их волнует только одно — как получить наибольшую прибыль на свои капиталовложения в следующем году и сохранить конкурентоспособность. Их единственная цель — добиться от правительства как можно бо́льших субсидий, кредитов, дотаций, займов, договоров о найме и контрактов.

Но, может возразить кто-то, мы не обречены фатально на сохранение колоссальных военных бюджетов. Существуют и другие сферы приложения государственных средств, которые, с одной стороны, способны поддержать жизнеспособность экономики страны, а с другой — отвечают насущным мирным потребностям общества и в то же время создают большее число рабочих мест и меньшую инфляцию. Теоретически это, наверное, правильно. Но гиганты корпоративной системы рассматривают расширение невоенного государственного сектора как серьезную угрозу своим интересам. Журнал «Бизнес уик» со всей ясностью заявил об этом еще в феврале 1949 года: «Существует огромная социальная и экономическая разница между дотациями, которые выделяет правительство на нужды социального обеспечения и на военное производство... Военные ассигнования, в сущности, никак не меняют сложившуюся структуру распределения доходов». Но средства, направленные на нужды социального обеспечения, развитие системы социальных услуг, частично минуют карманы корпораций. И поскольку ассигнования на социальное обеспечение отчасти используются в целях, не связанных непосредственно с прибылями, они представляют потенциальную угрозу системе частного предпринимательства.

Из всего этого следует, что проблема проведения социальных реформ враждебна классу имущих.

Если мне удалось убедить вас в том, что колоссальные военные бюджеты — это порождение всей общественной системы, всей капиталистической экономики, то вы согласитесь, что независимо от того, какая партия или кто персонально является хозяином Белого дома, изменение военных бюджетов происходит лишь в одном направлении — в сторону увеличения. Тогда можно перейти от бесполезных стенаний по поводу «разорительных» военных ассигнований к радикальному анализу общественной системы, создающей и пестующей это бессмысленное разбазаривание национальных богатств.

Сокращенный перевод с английского С. ФЕДОРИНОЙ

КОНЦЕРН ВОЙНЫ

М. ШИШКИН

Зеленое небо стало розовым. Скоро рассвет. Дымок от полевых кухонь потянуло в сторону английских позиций. Во Фландрии наступало раннее лето 1915 года.

Этот день в конце апреля должен был стать поворотным в первой мировой войне. Приказ о применении нового секретного оружия пришел накануне. Сегодня здесь, в долине реки Ипр, будет произведена первая в истории человечества массированная газовая атака. Верховное немецкое командование верило — химическое оружие должно привести Германию к скорой победе над союзниками. Для газовой атаки все было подготовлено уже давно, дело было за погодой. Успех предприятия зависел от скорости ветра, температуры, рельефа местности, влажности атмосферы. И вот этот день пришел.

На участке фронта в 10 километров были рассредоточены на небольшом расстоянии друг от друга стальные 40-килограммовые баллоны. В них находился под давлением в жидком состоянии хлор. Люди в защитных масках нетерпеливо поглядывали на стрелки часов. И вот из баллонов уже с силой вырывается жидкий хлор и тотчас испаряется, образуя гигантскую волну желто-зеленого цвета. Клубы газа, увлекаемые ветром, потянулись в сторону английских окопов. Ядовитая волна шла, стелясь по земле, захватывая высотки и овраги, траншеи и неприступные укрепления. До немецких солдат на передовой долетали из зеленого тумана крики отравленных.

Успех операции превзошел все ожидания германского командования. 15 тысяч солдат противника выбыли из строя. 5 тысяч из них погибли.

С этих 15 тысяч можно начать послужной список военных преступлений «И. Г. Фарбениндустри».

Карл Дуйсбург, с 1912 года генеральный директор химической фирмы «Байер», был доктором теологии университета в Марбурге. 5 марта 1915 года он писал майору Максу Бауэру, ответственному за снабжение боеприпасами армии при верховном командовании германских вооруженных сил, о новом боевом средстве, изготовленном его фирмой: «Как это действует, вы лучше всего поймете, если я вам расскажу, что сам лично пролежал целых восемь дней в постели только потому, что случайно вдохнул эту штуку».

Речь идет о фосгене, которым доктор теологии советует «обрабатывать» вражеские войска для «спасения чести немецкого народа». Действие своего детища Дуйсбург рекламирует следующим образом: «Дыхание становится все короче и отрывистей, пока не наступает смерть от удушья. Процесс отравления организма зависит от количества поглощенного газа и его концентрации и растягивается соответственно от нескольких часов до трех дней. Сознание не покидает отравленного даже при самых жестоких мучениях до последней секунды...»

Применение химического оружия было запрещено еще в начале века двумя Гаагскими соглашениями, но это мало заботило тех, кто руководил войной в Германии.

Правой рукой Дуйсбурга в производстве нового вида оружия был профессор Фритц Хабер, директор института физической химии имени Кайзера Вильгельма. Его «Бюро Хабер» координировало и руководило в военном министерстве опытами с отравляющими газами. В своем труде на благо фатерланда профессор вдруг наткнулся на непредвиденные препятствия — его жена, тоже химик, доктор Клара Иммервар, пыталась уговорить мужа прекратить заниматься изготовлением химического оружия. Хабер с достоинством отвечал ей, что это его священный долг перед отечеством. Накануне отъезда Хабера на Восточный фронт, где должны были состояться испытания фосгена, Клара покончила с собой.

Химическое оружие не привело Германию к победе. Тем не менее именно немецкая химическая промышленность задержала ее быстрый разгром и сделала все, чтобы война переросла в мировую, а число жертв в ней превысило 50 миллионов человек.

Уже через год после начала войны Германии пришлось бы капитулировать, если бы в трудную минуту на помощь не пришел руководитель БАСФ Бош. Для ведения долгой войны необходимы были большие запасы нитратов,

На снимках: слева — 1917 год. Западный фронт. В ожидании газовой атаки; справа — 1983 год. Последствия химической обработки американскими самолетами вьетнамской земли.

которые используются при производстве боеприпасов. Нитраты в Германию привозили из Чили. Путь через океан был блокирован английским флотом. Уже в 1915 году Бош сообщил военным ведомствам, что в его лабораториях разработан способ получения синтетических нитратов и что скоро он сможет начать их массовое производство. Немецкая армия была спасена, снабжение войск боеприпасами обеспечено. До конца войны БАСФ получал на производстве орудий убийства невиданные прибыли.

По предложению Карла Дуйсбурга в августе 1916 года произошло слияние «Байер», БАСФ, «Хёхст» и пяти других ведущих химических фирм Германии в одну гигантскую суперкорпорацию, которая с 1925 года получила название «И. Г. Фарбениндустри», исполинский концерн с акционерным капиталом в 650 миллионов марок, ставший таким образом самым крупным промышленным объединением Европы. Во главе концерна встали Карл Дуйсбург и Карл Бош.

Не прошло и месяца после образования концерна, как Дуйсбург поставил перед Людендорфом и Гинденбургом важную проблему — из-за военной мобилизации немецкая химическая промышленность страдала нехваткой рабочих рук. Как считал доктор теологии, помочь могло только одно — «открыть резервуар бельгийской рабочей силы». Так впервые в цивилизованной Европе XX века было предложено использование рабского труда.

В 1914 году нейтральная Бельгия была оккупирована германскими войсками. В народе росла ненависть к оккупантам, и Дуйсбург прекрасно понимал — добровольно «бельгийский резервуар» не откроется. И тогда немецкие солдаты стали насильно угонять бельгийских рабочих в Германию. Для рабского труда на немецких фабриках было привезено 60 тысяч человек. Пригнанные бельгийцы отказывались работать, против такого акта насилия возмутилось и общественное мнение. Программа бесплатной рабочей силы потерпела крах. Впрочем, к этому времени уже ничто не могло помочь: германские фронты не выдерживали напора войск Антанты, внутри Германии назревала революция.

Когда в 1918 году кайзеровская Германия потерпела поражение, Дуйсбург и Хабер бежали в нейтральную Швейцарию, боясь попасть на скамью подсудимых в качестве военных преступников. Однако их опасения были напрасны. Более того, Хабер стал лауреатом Нобелевской премии 1918 года «за выдающиеся заслуги перед человечеством в области химии».

Наступили неспокойные годы Веймарской республики. Германию сотрясала политическая борьба. Первоначально «И. Г. Фарбениндустри» ставил сразу на все буржуазные партии. Как заявил сам Дуйсбург, в политической борьбе концерн руководствовался примером американских монополий. В США магнаты ставят сразу на две партии, и кто бы ни победил на выборах, они всегда окажутся с победителями. Как расскажет потом на процессе военных преступников в Нюрнберге один из ведущих директоров «И. Г. Фарбениндустри», Георг фон Шнитцлер, каждые выборы обходились концерну в 400 тысяч марок, что являлось по тем временам значительной суммой. Естественно, что «И. Г. Фарбениндустри» хотелось бы иметь крепкое правительство, которое покончило бы раз и навсегда с коммунизмом в стране, надежно гарантировало прибыли. Таким правительством, придя к власти, могли стать нацисты.

«И. Г. Фарбениндустри» поставил на Гитлера. По инициативе «И. Г. Фарбениндустри» был создан фонд в три миллиона марок для поддержания фашистской партии во время выборов. Еще ни один капитал, помещенный «И. Г. Фарбениндустри» в какое-либо предприятие, не окупался так, как приход нацистов к власти. Милитаризация экономики, начатая с самых первых месяцев правления Гитлера, обеспечила концерну невиданные прибыли.

В сентябре 1936 года на съезде НСДАП в Нюрнберге Гитлер провозгласил «четырехлетний план», который должен был подготовить немецкую экономику к приближающейся войне. Во главе «ведомства четырехлетнего плана» был поставлен Геринг, автор лозунга «пушки вместо масла». План был полностью разработан в ведомстве Геринга специальной комиссией «И. Г. Фарбениндустри» под руководством Карла Крауха. Как будет сказано позже на Нюрнбергском процессе, «план подготовки войны был планом «И. Г. Фарбениндустри».

Еще задолго до рокового дня 1 сентября 1939 года [1] на столе у Гитлера лежал список с пожеланиями «И. Г. Фарбениндустри» относительно предстоящих захватов в Польше. Сразу после начала второй мировой войны и вступления германских войск в Польшу туда вылетел член правления концерна Георг фон Шнитцлер. Он телеграфировал прямо в Берлин о состоя-

[1] *В этот день нападением на Польшу Гитлер развязал вторую мировую войну.*

нии захваченных фабрик, количестве сырья и о возможности использования польской промышленности в интересах германской экономики. Когда «И. Г. Фарбениндустри» получил не все фабрики, на которые претендовал, возмущенный Шнитцлер обратился непосредственно к Герингу, но тот ничем не мог помочь — в Польше хозяйничал Гиммлер. «И. Г. Фарбениндустри» ничего не оставалось, как найти общий язык с главарем СС. В итоге концерн получил в Польше все, что хотел. Так сложился союз СС и «И. Г. Фарбениндустри», принесший человечеству огромные беды, а концерну — не менее огромные прибыли.

«И. Г. Освенцим» — такое название получил проект, предложенный совместно СС и руководством «И. Г. Фарбениндустри». То, что не удалось доктору теологии Карлу Дуйсбургу в первую мировую войну, вполне оказалось по силам его преемникам во вторую. Уже с самого начала войны фашистские власти угоняли рабочих из захваченных районов Франции для рабского труда на заводах Германии. Теперь же в «И. Г. Освенцим» даже сырьем должны были стать люди.

Полным ходом готовилась война с СССР. В ряду других технических проблем необходимо было наладить массовое производство искусственного каучука. 8 ноября 1940 года у Геринга на совместном совещании командования армии и представителей «И. Г. Фарбениндустри» было решено начать строительство новых заводов. Директора концерна Фритц тер Меер и Отто Амброс должны были определить место, наиболее удобное для гигантского предприятия.

Поиски продолжались недолго. Идеальное место было найдено — рядом железная дорога и автострада, недалеко добывается уголь, в непосредственной близости три речки и самое главное — огромный концентрационный лагерь. Все сулило новому предприятию гигантские прибыли и прежде всего — предстоящая война с СССР. «И. Г. Фарбениндустри» даже отказался от государственных субсидий на строительство завода. Так началось предприятие «И. Г. Освенцим».

Для работы отбирались наиболее крепкие узники. Но и самые здоровые быстро выходили из строя. Когда люди не могли больше работать, их отправляли в Биркенау. Прибыль извлекали из живых, продолжали извлекать прибыль и из мертвых. Золотые зубы шли в рейхсбанк, волосы — на матрацы, жир — для приготовления мыла. Рачительными хозяевами использовалось все, даже предсмертные крики обреченных — для запугивания оставшихся пока в живых.

Из Освенцима свежую рабочую силу заводы черпали до тех пор, пока в сентябре 1942 года не был построен лагерь на территории предприятия, в Моновитце, что принесло большую экономию — срок работоспособности заключенных увеличился до 9 месяцев. Теперь не нужно было гонять измученных людей каждый день по семь километров туда и обратно.

Не было забыто концерном и химическое оружие. Уже 21 июня 1938 года Карл Краух сделал доклад «Предложения по использованию немецкой химии в военных целях». В августе 1941 года на группе советских военнопленных впервые был произведен опыт по применению «Циклона Б». В концентрационных лагерях стали строиться газовые камеры. Такие доходы от производства простого инсектицида, какие получила за «Циклон Б» «И. Г. Фарбениндустри», еще не получала ни одна химическая фирма в мире. Но и жертвы, как цинично скажет потом на процессе в Нюрнберге директор фабрики, производившей «Циклон Б», «имели свои доходы»: «Мой «Циклон Б» помогал обреченным легче умереть».

В лабораториях «И. Г. Фарбениндустри» проводились опыты на людях. Вот несколько отрывков из переписки руководства концерна с комендантом Освенцима:

«Для испытания нового вида снотворного просим вас выделить нам партию заключенных, желательно женщин».

«Мы получили ваш ответ, но тем не менее цена 200 рейхсмарок за женщину кажется нам слишком высокой. Мы предлагаем платить за голову 170 рейхсмарок. Если наше предложение покажется вам приемлемым, то подготовьте нам, пожалуйста, партию в 150 женщин, по возможности в хорошем состоянии».

«Получили партию в 150 женщин. Нам кажется, вы выбрали не самые здоровые экземпляры. О ходе экспериментов будем держать вас в курсе».

«Опыты были проведены. Все женщины умерли. Мы хотели бы вступить с вами в переговоры о возможностях присылки новой партии».

Пришел 1945 год. Фашистская Германия была разгромлена. На Потсдамской конференции решался вопрос о будущем немецкого народа. Германия отныне должна была стать демократическим свободным миролюбивым государством. Была принята так называемая программа четырех Д — демилитаризации, декартелизации, денацификации, демократизации. «И. Г. Фарбениндустри», как и другие крупнейшие концерны нацистской Германии, подготовившие самую кровопролитную в истории человечества войну, перестала существовать. В мае 1947 года в Нюрнберге начался процесс над военными преступниками от промышленности — на скамью подсудимых сели 24 бывших директора «И. Г. Фарбениндустри».

«Эти обвиняемые,— говорил Телфорд Тэйлор, главный обвинитель на процессе,— отнюдь не фанатики нацизма. Они не расстреливали мирных жителей и не сбрасывали бомбы на города. Но именно они — главные военные преступники, им обязано человечество этой войной. Если мы не выясним до конца все факты их преступлений и не накажем их по заслугам, для будущего мира они будут представлять бóльшую опасность, чем сам Гитлер, останься он в живых».

Процесс над «И. Г. Фарбениндустри» длился 14 месяцев. Но уже была произнесена речь в Фултоне [2]. Уже шла в мире следующая мировая война — «холодная». Западу нужен был сильный форпост против распространения коммунизма в Европе. В Западной Германии усиленно подготавливалось «экономическое чудо». У «И. Г. Фарбениндустри» должны были быть достойные преемники.

В июле 1948 года были объявлены приговоры. Десять обвиняемых были оправданы, остальные получили мизерные сроки от полугода до восьми лет, но они в ближайшие два года были выпущены на свободу.

«И. Г. Фарбениндустри» не существует, но у него достойные преемники. Спустя шесть дней после фашистского путча в Чили представитель «Хёхст» в Сантьяго отправил центральному правлению фирмы во Франкфурт-на-Майне донесение:

«Теперь Чили относится к тем немногим странам мира, которым сделаны хорошие прививки против марксистского вируса и в которых теперь обеспечена долгая политическая стабильность. Правительство Альенде заслужило свой конец».

Продолжается преемниками «И. Г. Фарбениндустри» и производство химического оружия. Фирма «Байер» выпускает для нужд Пентагона «эйджент орандж» — одно из самых страшных ОВ, известных человечеству. В период с 1965 года по 1971 год над землей Вьетнама было распылено этого вещества свыше 22 миллионов литров. В результате его применения погибли тысячи мирных жителей, огромные пространства превращены в пустыни. Жертвами «эйджент орандж» стали и американские солдаты.

В первую мировую войну 90 тысяч погибли от отравления ядовитыми газами, изготовленными на заводах «И. Г. Фарбениндустри». Во второй мировой войне сотни тысяч были задушены в газовых камерах «Циклоном Б» — одним из самых прибыльных изобретений концерна. Сейчас преемники «И. Г. Фарбениндустри» усиленно работают на третью мировую войну...

---

[2] *5 марта 1946 года бывший английский премьер Черчилль в городе Фултоне, штат Миссури, США, выступил с речью, в которой призывал создать военно-политический союз Англии и США против СССР.*

ТОРГОВЛЯ С ВРАГОМ

А. ШАЛЬНЕВ,
корреспондент ТАСС
в Вашингтоне

«Майским утром 1944 года, когда молодые американцы погибали, высаживаясь на побережье Италии, Томас Харрингтон Маккиттрик, американский президент контролируемого нацистами Банка международных расчетов в Базеле, Швейцария, прибыл в свою канцелярию, чтобы председательствовать на очередном, четвертом за время войны, ежегодном собрании директоров банка. Этот рафинированный американский джентльмен сел за один стол с германским, японским, итальянским, британским и американским членами правления, дабы обсудить такие важные вопросы, как судьба золотых запасов общей стоимостью в 378 миллионов долларов, направленных банку гитлеровским правительством для использования нацистами после войны. Речь шла о золоте, похищенном из национальных банков Австрии, Голландии, Бельгии и Чехословакии или же переплавленном в слитки из золотых коронок, оправ для очков, портсигаров, зажигалок и обручальных колец, принадлежавших убитым в концлагерях».

Так начинается книга «Торговля с врагом. Разоблачение американо-нацистского денежного сговора», опубликованная нью-йоркским издательством «Делакорте пресс». Более двух лет автор книги, в прошлом корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» Чарльз Хигэм, кропотливо собирал и систематизировал факты, которые теперь неопровержимо свидетельствуют о том, что нацистская военно-экономическая машина создавалась и на протяжении второй мировой войны поддерживалась с непосредственной помощью и участием американского «большого бизнеса». Многие факты преданы огласке впервые: десятилетиями они были засекречены.

«Дженерал моторс» и «Форд мотор», «Чейз нэшнл бэнк» и «Стандард ойл оф Нью-Джерси», «Интернэшнл телефон энд телеграф» (ИТТ) — вот названия лишь нескольких компаний и банков, тогдашние руководители которых предстают на страницах книги откровенными пособниками фашизма, несущими вместе с главарями «третьего рейха» прямую ответственность за гибель многих миллионов людей.

«Все они были связаны между собой реакционной идеологией и стремлением обеспечить доминирование фашизма в будущем»,— подчеркивает Хигэм. «Некоторые из них,— продолжает он,— не только старались сохранить в неприкосновенности свой союз с фашистской Германией во время второй мировой войны, но и вынашивали идею сепаратного мира с гитлеровской Германией, дабы не допустить сдвиг Европы влево. Когда же стало ясно, что Гитлер проигрывает войну, бизнесмены стали более «лояльными» по отношению к своей стране, США. Потом, когда война завершилась, они вновь устремились в Германию, чтобы обеспечить защиту своих капиталовложений, вернуть нацистских друзей на высокие посты. Они помогли спровоцировать «холодную войну».

Капиталовложения и в самом деле были немалые. По данным, приводимым в книге, «к моменту Пёрл-Харбора[1] общие вклады американского бизнеса в экономику нацистской Германии достигали 475 миллионов долларов».

«Телефонный заговор» — так названа глава о масштабах преступных сделок «Интернэшнл телефон энд телеграф». «В марте 1942 года в одном из роскошных номеров мадридского

---

[1] *7 декабря 1941 года внезапным нападением на Пёрл-Харбор, американскую военную базу в Тихом океане, Япония развязала войну против США. С этого же времени США находились в состоянии войны с Германией, союзником Японии.— Здесь и далее примеч. ред.*

отеля «Риц» за обедом встретились С. Бен, глава ИТТ, и Г. Вестрик, руководитель филиала ИТТ в Германии. Речь шла о том, как улучшить коммуникационное обеспечение военно-воздушных и военно-морских сил нацистского государства. В связях с Германией С. Бен не был новичком. 4 августа 1933 года он, уже тогда глава ИТТ и член совета директоров «Нэшнл сити бэнк», который вместе с кланом Морганов финансировал деятельность этой компании, встретился с Гитлером. Встреча позволила наладить сотрудничество, которое продолжалось до конца второй мировой войны. Фюрер обещал помощь и защиту. Заметим, что, когда нацисты вторглись в Польшу, польские филиалы ИТТ конфискации не подверглись».

«После Пёрл-Харбора гитлеровская армия, авиация и ВМС заключили с ИТТ контракты, предусматривавшие производство телефонных аппаратов, пультов радарного оборудования, систем оповещения о воздушном налете, взрывателей для артиллерийских снарядов в количестве 30 тысяч штук в месяц. К 1944 году производство взрывателей планировалось увеличить до 50 тысяч в месяц. В дополнение к этому ИТТ поставляла компоненты для ракетных снарядов, обстреливавших Лондон, а также батареи для высокочастотного радиооборудования. Без этих поставок,— отмечает Хигэм,— люфтваффе не могла бы совершать рейды на позиции американских и британских войск, вермахт не вел бы сражения с союзниками в Африке, Италии, Франции и Германии, не подвергалась бы бомбардировкам Англия, не проводились бы налеты на корабли и суда союзников в открытом море».

Самое поразительное то, что С. Бен даже не пытался скрывать свои тесные контакты с главарями нацистского рейха. Так, например, 21 апреля 1943 года, выступая на собрании акционеров ИТТ в Нью-Йорке, он заявил: «Более 61 процента всего объема операций, совершаемых ИТТ, приходится на западное полушарие, почти 24 процента — на Британскую империю и нейтральные страны Европы и менее 13 процентов — на государства «оси» [1] и страны, контролируемые «осью». «Но это признание,— подчеркивает автор,— не вызвало даже тени удивления. Более того, хотя все подразделения американской разведки внимательно следили за каждым шагом С. Бена и в принципе знали, чем он занимается, не было принято никаких мер для того, чтобы остановить его. Война близилась к завершению, и это сотрудничество отошло на второй план перед перспективой мира с Германией и планами будущей конфронтации с Россией».

«Между тем в завершающий период войны деятельность Бена в пользу гитлеровской армии активизировалась. Системы связи, производившиеся на предприятиях его компании для высшего командования вермахта, становились все более совершенными. Системы эти позволили нацистам раскрыть шифр, использовавшийся американцами в дипломатической переписке. Более того, они позволили нацистам создать службу перехвата для обеспечения обороны германских позиций при высадке американцев и англичан на побережье Франции».

Конец истории преступных деяний ИТТ весьма примечателен: 16 февраля 1946 года генерал-майор Харри Инглис, начальник связи армии США, от имени президента Трумэна вручил в Нью-Йорке С. Бену медаль «За заслуги». На церемонии генерал сказал, в частности: «Вы награждаетесь за достойную исключительной похвалы деятельность в служении Соединенным Штатам». Немного позже С. Бен получил несколько миллионов долларов — в качестве компенсации за ущерб, причиненный в 1944 году в ходе боевых действий предприятиям его компании в Германии...»

В главе «Секреты «Стандард ойл» Хигэм разоблачает преступные операции этой нефтяной компании, обеспечивавшей гитлеровскую Германию стратегическим сырьем практически на всем протяжении войны. «Владело компанией, в то время богатейшей в мире, семейство Рокфеллеров, деятельность ее финансировалась банком «Чейз нэшнл бэнк», председателем ее совета директоров был Уолтер Тигл, человек, который считал необходимым сохранение капитализма в Европе и уничтожение Советской России». Такие убеждения и привели его к предательству интересов не только союзников, но и самих Соединенных Штатов.

Вот выдержка из докладной записки, датированной 15 июля 1941 года и направленной майором американской военной разведки Ч. Барроузом своему начальству в Вашингтон: «Стандард ойл оф Нью-Джерси» поставляет нефть из голландской Вест-Индии на Канарские острова. Примерно 20 процентов этих поставок предназначено для нынешнего германского правительства. Команды шести из тех судов, которые осуществляют перевозки по этому маршруту, набраны преимущественно из нацистов. Моряки сообщили моему осведомителю, что им приходилось видеть подводные лодки в непосредственной близости от Канарских островов и что эти подводные лодки заправляются именно там. Осведомитель обратил внимание на то, что до сих пор не было торпедировано ни одно из судов «Стандард ойл», хотя суда других американских компаний, действовавшие на иных маршрутах, постигала такая участь».

Но нефть «Стандард ойл» использовалась не только для заправки подводных лодок. «Еще в 1936 году,— отмечает автор книги,— на Канарских островах компанией «Калифорния стандард», действовавшей в тесном контакте с корпорацией Уолтера Тигла, были построены предприятия, где производилась переработка нефти в авиационный бензин, который требовался фашистским люфтваффе. Почти одновременно в Гамбурге Тиглом был построен нефтеперерабатывающий завод, еженедельно обеспечивавший авиацию Геринга 15 тысячами тонн бензина».

«Послужной список» «Стандард ойл» может быть дополнен следующими фактами. Именно Уолтер Тигл помог организовать поставки германскому химическому концерну «И. Г. Фарбениндустри» особых свинцовых присадок, которые использовались для производства авиационного бензина и патентом на которые располагали лишь «Стандард ойл» и «Дженерал моторс». Поставки были осуществлены через британский филиал «Стандард ойл», и именно эти поставки, указывает автор, «обеспечили люфтваффе возможность совершать налеты на Лондон». Более того, снабдив тетраэтилсвинцом Японию, Уолтер Тигл тем самым помог и ей вести войну против Соединенных Штатов.

...В 1939 году Соединенные Штаты испытывали отчаянную нехватку каучука, требовавшегося, в частности, для вооруженных сил. Именно в это время «Стандард ойл» заключила сделку с гитлеровской Германией, обеспечившую необходимые поставки рейху, но лишившую США каучука. Этот контракт оставался в силе даже после Пёрл-Харбора.

...Действуя окольными путями, через другие фирмы, «Стандард ойл» поставляла нефть и другое сырье в Испанию, откуда все переправлялось в Германию. «Большинство судов испанского танкерного флота,— сообщает Хигэм,— регулярно появлялось в германских портах. Груз, который они доставляли, использовался затем для снабжения моторизированных частей, в том числе и тех, которые действовали на восточном фронте против Советского Союза, союзника Соединенных Штатов». В дополнение к нефти в 1943 году Испании, например, было поставлено 25 тысяч тонн сульфата аммония и 10 тысяч тонн хлопка, то есть сырья, в котором отчаянно нуждались США.

Генри Форд восторгался Гитлером еще тогда, когда тот был мало кому известен. С Гитлером его объединяла фанатическая ненависть к евреям. Форд был одним из тех немногих людей, кому Гитлер воздал похвалы в опусе «Майн кампф». Ежегодно Форд по случаю дня рождения Гитлера переводил на его имя 50 тысяч рейхсмарок. Немудрено, что на такой основе сотрудничество компании «Форд мотор» с фашистской Германией процветало.

Одним из ключевых этапов этого сотрудничества стала договоренность,

---

[1] *Агрессивный блок гитлеровской Германии, фашистской Италии и милитаристской Японии во второй мировой войне.*

в соответствии с которой «Форд мотор» с 1940 года обязался поставлять пятитонные грузовики для вермахта. Одновременно было налажено снабжение запасными комплектами автопокрышек и камер. «В то же самое время Форды — отец и сын — ответили категорическим отказом на предложение строить авиационные двигатели для Великобритании. Но в том же 1940 году на фордовском предприятии в пригороде Парижа, в зоне нацистской оккупации, началось производство авиационных двигателей, которые поставлялись потом Германии. В течение 1941 года французский филиал концерна принес 59 миллионов франков чистой прибыли».

Интересам фашизма «Форд мотор» служила не только на территории Франции. Филиал компании был создан и в Северной Африке со штаб-квартирой в Алжире. Оттуда грузовики и бронетранспортеры направлялись в армию. «Об этой сделке,— указывает Хигэм,— было прекрасно известно госдепартаменту США, о чем свидетельствует обширная докладная записка, которая 11 июля 1942 года была направлена американским консулом в Алжире Феликсом Коулом и в которой содержался подробный отчет о том, чем занимается компания». Последствия? Судя по всему, докладную записку в госдепартаменте попросту проигнорировали».

«Форд мотор» не был единственным американским автомобилестроительным концерном, вступившим в сделку с врагом. Активно на этом поприще подвизалась и «Дженерал моторс», которую контролировал клан Дюпонов. «Наиболее влиятельный член этого семейства, И. Дюпон,— говорится в книге,— был попросту помешан на Гитлере и тех идеях, которые проповедовал фюрер».

«В период между 1932 и 1939 годами,— продолжает автор,— боссы «Дженерал моторс» вложили в предприятия концерна «И. Г. Фарбениндустри» около 30 миллионов долларов. С середины 30-х годов сотрудничество шло полным ходом: «Дженерал моторс» наладила в нацистской Германии крупномасштабное производство грузовиков, бронетранспортеров и танков». Сотрудничество продолжалось и после того, как США вступили в войну против стран «оси». В частности, на предприятиях «Адам опель» (филиал «Дженерал моторс») производились важнейшие детали для боевых самолетов люфтваффе, в том числе для «Юнкерс-88». В 1943 году получилось так, что американские предприятия «Дженерал моторс» снабжали ВВС США, а ее германские филиалы разрабатывали и выпускали двигатели для «Мессершмитта-262». Создание этого самолета дало нацистам значительное техническое преимущество. Обладая скоростью до 540 миль в час, этот истребитель был на сто миль в час быстроходнее своего американского конкурента, поршневого самолета «Мустанг Р-150».

Сотрудничество «Дженерал моторс» с «третьим рейхом» не ограничивалось бизнесом, оно захватывало и политические сферы. «На секретной встрече, организованной 23 ноября 1937 года в Бостоне представителями «Дженерал моторс», с бароном фон Типплскерхом, нацистским генеральным консулом и главарем бостонского отдела гестапо, было подписано соглашение, в котором, по сути дела, была программа действий, направленных на отстранение Франклина Рузвельта от власти. Сведения об этом соглашении, однако, просочились в печать». Программа осталась невыполненной. Как свидетельствует Хигэм, «в 1967 году власти США щедрыми налоговыми поблажками компенсировали «Дженерал моторс» тот ущерб, который понесли ее авиационные и автомобилестроительные предприятия в Германии и Австрии в годы второй мировой войны». Сотрудничество с фашистской Германией, военным противником США, никак не повредило корпорации.

Счастливо завершилась и история американского участия в Банке международных расчетов. Томас Харрингтон Маккиттрик после войны получил пост вице-президента «Чейз нэшнл бэнк» и занимал этот пост в течение нескольких лет. Между тем Маккиттрик был повинен в преступлениях не менее тяжких, чем те, которые совершили другие члены американо-нацистского союза.

Всю войну оперировал в Париже рокфеллеровский «Чейз нэшнл бэнк», переименованный позже в «Чейз Манхаттен бэнк». Именно через парижский филиал осуществлялось финансирование деятельности германского посольства и других нацистских ведомств в оккупированной Франции. «Средства, находившиеся в «Чейз нэшнл», использовались, например, для поддержки различных французских компаний, сотрудничавших с нацистами. В частности, 13 августа 1942 года 5,5 миллиона франков было снято со счетов и направлено на радиопропаганду и поддержку кампании террора, обрушенного на французов. Германский посол в Париже Отто Абетц ежемесячно выплачивал 250 тысяч франков профашистски настроенным редакторам и издателям. Он же финансировал деятельность террористических групп, которые выслеживали подпольщиков-антифашистов. Кроме того, Абетц использовал деньги, хранившиеся в «Чейз нэшнл бэнк», на приобретение произведений искусства, которые затем попадали в частные коллекции главарей «третьего рейха», в том числе Геринга, стремившегося прибрать к своим рукам все, что только можно было заполучить из Франции».

Книга рассказывает о событиях недавнего прошлого, но актуальность ее очевидна. Стоит напомнить, например, о том, что та же «Интернэшнл телефон энд телеграф», которую Хигэм обвиняет в «наиболее вопиющих сделках с врагом», была самым непосредственным образом причастна к организации и осуществлению фашистского переворота в Чили. Чилийская хунта, реакционные, фашиствующие режимы в ряде других латиноамериканских стран, апартеид ЮАР — все они сейчас клиенты «большого бизнеса» США. Вот почему видный американский историк и публицист Дж. Селдс назвал эту книгу «предостережением цивилизованному миру».

■

Со стр. 17 ▼

щие изображением ракет, самолетов, танков и подлодок, приглашали бизнесменов получить информацию внутреннего пользования относительно приобретения Пентагоном различных систем и изменений в его планах финансовых расходов. Наша конференция была лишь малым звеном во всеобщей мобилизации технического прогресса на благо военно-промышленного комплекса. Даже в самых невоенных областях, как явствовало из брошюр, сотрудничество с военными было обязательным. Так в конференциях по компьютерной графике принимали участие три ведущих военных подрядчика Пентагона — «Макдонелл-Дуглас», «Дженерал электрик» и «Локхид».

На второй день конференции во время обеденного перерыва в зал заседаний проник молодой человек и разложил на столах одностраничные листовки, в которых говорилось, что программы военных исследований являются «извращением человеческих ценностей». Текст призывал ученых и инженеров «переосмыслить цели своей деятельности и переориентировать знания и талант на более человечные нужды».

Я видел, как некоторые взяли в руки листок, бегло пробежали глазами и отложили к остальным документам конференции — стопкам докладов, схем и диаграмм, инструктировавших, как освоить свою часть «долларов на оборонные исследования» наряду с Рокуэллом, Сперри, Рейтеоном, Литтоном и другими гигантами индустрии.

Собравшиеся в зале «Джорджа Шермана» выглядели не более зловеще, чем церковные счетоводы, не более кровожадно, чем участники слета авиамоделистов. И все же нашлись люди, которые попытались привлечь внимание общественности к истинному значению конференции. Их грубо нарисованные грибообразные облака, тела у ступеней студенческого корпуса «Джорджа Шермана» попытались напомнить нам простую истину — война не бывает «чистой».

Перевел с английского
В. СИМОНОВ

КАК РОЖДАЕТСЯ БОМБАРДИРОВЩИК?

Георгий ЦАГОЛОВ,
доктор экономических наук

Когда в 1977 году администрация Картера решила отказаться от производства стратегического бомбардировщика B-1, хозяева головного подрядчика по созданию этого самолета — концерна «Рокуэлл интернэшнл» почувствовали себя сбитыми с ног. Даже для этого ворочающего многими миллиардами долларов аэрокосмического гиганта потеря заказа на B-1 была слишком тяжелым ударом. «Казалось, что пришло известие о том, что кто-то из самых близких при смерти» — в таких выражениях вспоминал позже свою реакцию на это сообщение Роберт Андерсон, председатель совета директоров концерна. Было решено сделать все возможное для спасения «умирающего».

У Андерсона были основания для переживаний. На службу в аэрокосмический концерн он перешел в 1968 году, после того как соперник победил его в гонке за президентское кресло фирмы «Крайслер». Возглавив лос-анджелесское отделение «Рокуэлл интернэшнл», Андерсон связал свою судьбу с реализацией проекта нового бомбардировщика. Не без его стараний концерн вскоре добился от Пентагона подписания контракта на разработку B-1. В 1974 году первая модель уже поднялась в воздух. Затем военно-воздушные силы США провели испытания и дали «добро» на развертывание программы.

По мере того как B-1 расправлял крылья, шли в гору и дела Андерсона. Заняв высшие посты в концерне, он стал и директором одного из крупнейших банков в Калифорнии — «Секьюрити пэсифик нэшнл бэнк», вошел в руководящие органы других влиятельных компаний и учреждений.

Разное говорят об Андерсоне. Одни лишь восторгаются исключительными пробивными качествами рокуэлловского босса, другие утверждают, что не гнушающийся ничем и все сметающий на своем пути «бульдозер» — так прозвали Андерсона — скуп и алчен до того, что «не стесняется, например, в конце ресторанного обеда просить официанта завернуть остатки». Сам Андерсон не скрывает, что он «вообще чертовски не любит ничего терять, тем более когда речь идет о таких вещах, как B-1».

Но не только Андерсона волновала участь этого проекта. Ведущие акционеры «Рокуэлл интернэшнл» усматривали в B-1 верную гарантию долгосрочного процветания фирмы, которая, правда, получает доходы и от участия в программе создания космических кораблей серии «Шаттл», и от многих десятков атомных, ракетостроительных, электронных предприятий, заводов и лабораторий как в США, так и за рубежом. Однако от B-1 ждали наибольших дивидендов. «Заинтересованными лицами» были также корпорации «Боинг», «Дженерал электрик», «Юнайтед текнолоджиз» и другие, более мелкие поставщики.

Меры для спасения «умирающего» были приняты сразу же после того, как в штаб-квартиру концерна просочились слухи о планах администрации Картера заморозить производство бомбардировщика. На заводах концерна были установлены громкоговорители, которые драматически сообщали рабочим и служащим, сколько увольнений повлечет отмена контракта. Субподрядчиков и акционеров запугивали вероятным падением курса принадлежащих им ценных бумаг, убеждали воздействовать на вашингтонские власти. В результате конгресс и Белый дом получили свыше 80 тысяч писем и петиций в поддержку B-1.

Но и противники «Рокуэлл интернэшнл» не дремали. В 1976 году на заседаниях конгресса получил огласку факт, что «Рокуэлл интернэшнл» устраивает попойки и кое-какие «другие развлечения» для тех правительственных чиновников, от которых зависит предоставление выгодных заказов. Среди обхаживаемых лиц фигурировал и тогдашний глава отдела научно-технических исследований Пентагона Малькольм Карри, который любил проводить уик-энды в принадлежащем корпорации уютном бунгало на берегу Карибского моря. Вслед за этим правительственная ревизия установила, что один миллион долларов, взятый компанией из государственной казны для покрытия издержек производства, был использован на подкуп нужных ей лиц.

Огласка тактических приемов причиняла престижу фирмы немалый вред, сковывала ее возможности. Словом, после столь скандальных разоблачений Андерсон и его люди были поставлены перед необходимостью действовать осмотрительнее. «Тактика «Рокуэлл» в прошлом была малость безрассудной»,— говорил Ральф Уотсон (по кличке Док), официально зарегистрированный лоббист, нанятый

фирмой специально для проталкивания программы B-1. «Нарушение правил игры погубит нас»,— предостерегал и Уильям Кларк, шеф вашингтонского отделения «Рокуэлл интернэшнл». Агентам фирмы было рекомендовано временно ограничиться тем, что снабжать дружественных сенаторов выкладками, усиливающими аргументацию в пользу B-1, и распространять среди членов палаты представителей записки о том, как много рабочих мест их избирателей зависит от производства бомбардировщика.

Противники программы B-1 приводили свои аргументы. Анализ, проведенный научно-исследовательской организацией «Чейз эконометрикс», изучившей возможное влияние на экономику производства бомбардировщика, убедительно свидетельствовал, что жилищное строительство в соответствующих размерах позволит создать в стране во много крат большее число рабочих мест. А американский экономист У. Адамс, также рассчитавший экономические последствия программы, пришел к выводу, что всего лишь шесть штатов — Калифорния, Аризона, Оклахома, Вашингтон, Вермонт и Огайо — получили бы преимущества от этой программы. В итоге конгресс проголосовал, хотя и незначительным большинством, за отсрочку серийного производства B-1.

Впрочем, это решение допускало не только продолжение испытаний трех уже построенных самолетов, но и создание четвертого, экспериментального бомбардировщика, что рассматривалось как страховка на случай, если программа развертывания крылатых ракет, которую Картер считал более эффективной, чем B-1, по каким-либо непредвиденным обстоятельствам не удастся. «Рокуэлл интернэшнл» использовал этот момент, чтобы не только не прекращать работ, но и расширять их за счет государственных средств, накапливать дефицитные стратегические материалы и усовершенствовать бомбардировщик.

Одновременно руководство «Рокуэлл интернэшнл» присоединилось к хору тех, кто усиленно раздувал миф о некоем «окне уязвимости» США, которое-де неминуемо откроется в 80-е годы, когда стратегический баланс «нарушится» в пользу Советского Союза. В этом концерн действовал заодно с политическими организациями военно-промышленного комплекса США. Подвизающиеся в качестве военных экспертов эмиссары фирмы убеждали конгрессменов «проснуться» и «затворить опасное окно как можно скорее». Ставка на раздувание страха оправдала себя. В сентябре 1980 года «обеспокоенный» конгресс утвердил законопроект, предусматривающий строительство флота новых тяжелых бомбардировщиков не позднее, чем к 1987 году.

Установленный срок лил воду на мельницу «Рокуэлл интернэшнл». Его конкурент — концерн «Нортроп» — выбывал из игры, поскольку для производства предлагаемого им «бомбардировщика-невидимки» «Стелс» требовалось не менее десяти лет. Имелся и другой проект F-III корпорации «Дженерал дайнэмикс», стоивший в два с лишним раза дешевле — 90 миллионов долларов за самолет. Однако, по словам коммивояжеров рокуэлловской фирмы, этот бомбардировщик не шел ни в какое сравнение с B-1 по «убойной силе».

Смакуя «качественные характеристики» B-1, журнал «Форчун» не без гордости сообщал, что этот «удивительно красивый самолет» сможет, сотрясая верхушки деревьев, проникать в самую глубь советской территории, что радарные установки обеспечат ему в полете на высоте всего лишь 60 метров гарантию от столкновений с «луковидными куполами русских церквей», что создан он с расчетом «нести смерть в судный день и творить то, что большинство обычных людей не может себе даже представить». Отмечалось также, что треть бомбардировщика заполнена горючим, а остальное — 20 тоннами ракет, электронных устройств и ядерных бомб, мощь которых превосходит силу всех использованных во время второй мировой войны взрывчатых веществ.

Всячески содействуя рекламе рокуэлловского бомбардировщика, глава испытательного полигона ВВС в Калифорнии генерал-лейтенант Томас Стаффорд характеризовал B-1 как «наиболее успешную программу, которую когда-либо видели в летном центре». С той же целью корпорация устраивала для влиятельных в Вашингтоне лиц увеселительные прогулки на бомбардировщике. В общей сложности на его борту побывало двадцать восемь высокопоставленных политиков, включая восемь конгрессменов. А небезызвестный «ультра»-сенатор Барри Голдуотер и член палаты представителей от Калифорнии Роберт Дорнэн даже сами пилотировали бомбардировщик. Такими методами «Рокуэлл интернэшнл» в конце концов удалось склонить в пользу B-1 большинство из тех, кто на Капитолийском холме защищает «интересы обороны».

Однако полная уверенность в осуществлении проекта пришла со сменой власти в Вашингтоне. «Мы все как бы родились заново»,— комментировал приход Рейгана в Белый дом Андерсон. Теперь корпорация уже смело тратила на развертывание программы не только правительственные субсидии, но и собственные средства. В первой половине 1981 года работы над B-1 шли уже полным ходом, хотя запрет Картера продолжал действовать. Поторапливая нового президента снять вето, Андерсон то и дело публично заявлял, что его фирма «готова начать широкомасштабное производство B-1 хоть завтра».

Долгожданный день настал 2 октября 1981 года, когда Рейган объявил программу дальнейшего наращивания стратегических ядерных арсеналов, включающую и решение о производстве ста рокуэлловских бомбардировщиков, оснащенных теми самыми крылатыми ракетами, которые должны были выпускаться вместо него.

Первоначально объявленная стоимость программы B-1 составляла 19,7 миллиарда долларов. Затем выяснилась необходимость конструктивных изменений и сумма возросла еще на 9,9 миллиарда долларов. В ноябре 1981 года бюджетное бюро конгресса, проведя «реалистическую оценку» программы, заявило, что истинная цифра будет ближе к 40 миллиардам долларов. А еженедельник «Ньюсуик» позднее писал, что если «Рокуэлл интернэшнл» «повторит обычную для него картину перерасходов... программа B-1 обойдется, возможно, в 100 миллиардов долларов».

Как бы то ни было, добрая половина всех денег по программе, получившей окончательное наименование B-1B, достанется «Рокуэлл интернэшнл». Остальное распределится между тремя тысячами субподрядчиков, поставляющих для бомбардировщика десятки тысяч различных деталей.

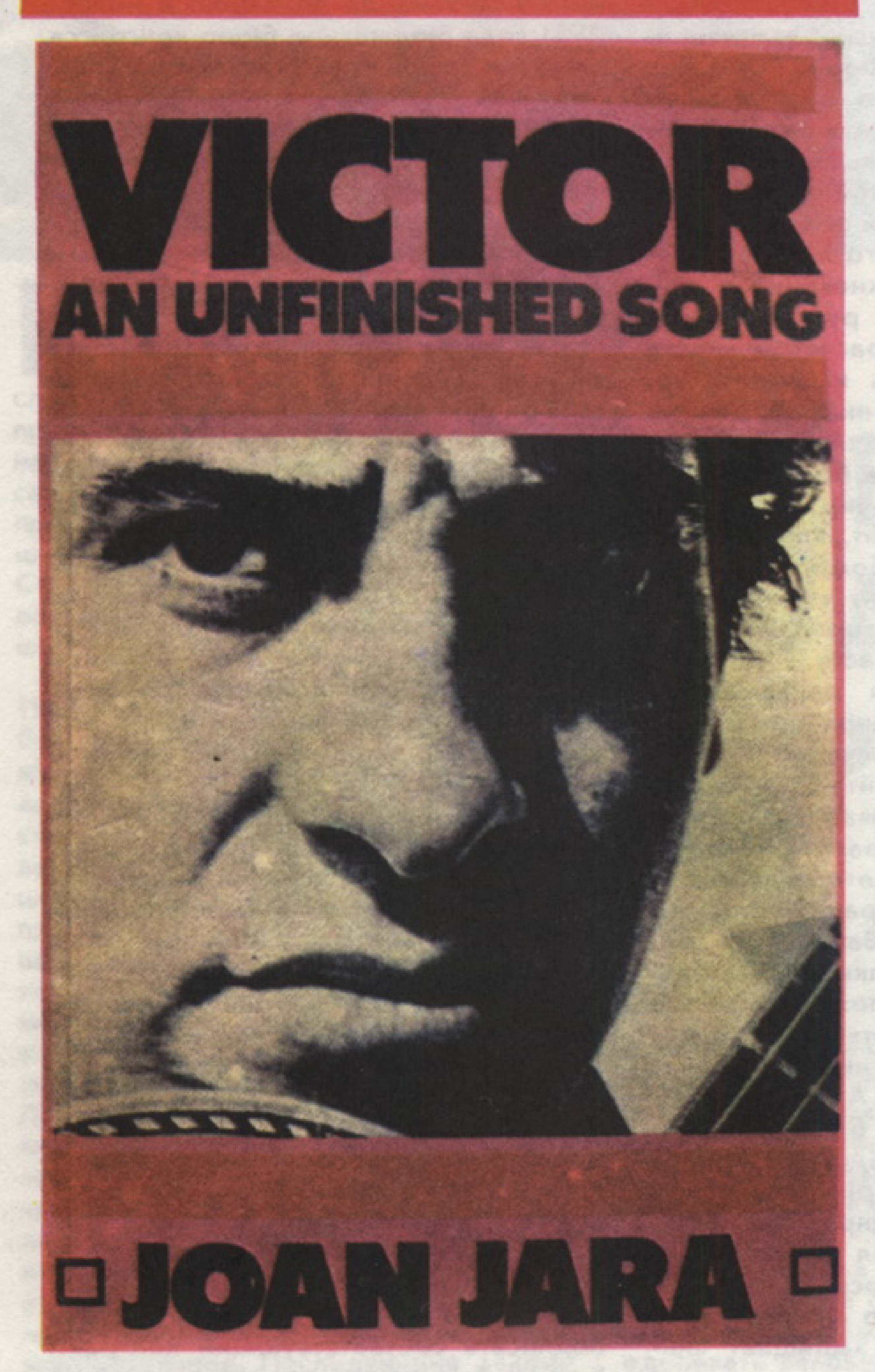
Что ж, игра стоила свеч. Распоряжение Рейгана сулит «Рокуэлл интернэшнл» в ближайшие годы минимум сотни миллионов долларов дополнительной прибыли. Неудивительно, что курс акций концерна тотчас же подскочил на одну треть.

История с B-1 не единична. Не получив фондов от предыдущей вашингтонской администрации на разработку модели истребителя-бомбардировщика F-15 «Страйк Игл», концерн «Макдоннел-Дуглас» вместе с «Хьюз эйркрафт», «Литтон индастриз», «Сперри», «Форд», «Дженерал электрик» и ИБМ все же скоропалительно произвели его на свет, а затем убедили Пентагон взять на вооружение. Без всяких на то санкций от правительственных органов корпорация «Дженерал дайнэмикс», рискнув собственными 40 миллионами долларов, «выдала на-гора» усовершенствованный вариант истребителя F-16, после чего ВВС США должны были подписать соответствующий контракт. Еще не был решен вопрос о ракетной программе MX, а над ней уже лихорадочно трудились «Мартин-Мариэтта» и ее компаньоны. Еще не было ясно, кому достанется заказ на строительство стратегического бомбардировщика «Стелс», да и вообще — будет ли утвержден проект, но фирма «Нортроп» уже вложила сотни миллионов долларов в его производство.

Как отмечала французская «Монд дипломатик», разговоры об «угрозе для США извне обычно усиливаются именно тогда, когда истекает правительственный контракт с той или иной фирмой. Эта угроза делает совершенно необходимым новый вид оружия, которое как бы «случайно» соответствует конструкторским разработкам, уже имеющимся в портфеле фирмы».

■

ВИКТОР
ПРЕРВАННАЯ ПЕСНЯ

Джоан ХАРА

Вступление

Какое это утешение для меня: наконец рассказывать всю историю тихо, спокойно, так, как я могу и хочу ее рассказать, а не отвечать на внезапные вопросы, вырывавшие из моей истории только те куски, что интересовали интервьюеров.

За все эти годы, прошедшие после военного переворота в Чили, мне было даровано столько любви, дружбы и поддержки от людей из самых разных уголков земного шара, что при воспоминании об этом я плачу от боли и от счастья.

С этого номера «Ровесник» начинает публикацию журнального варианта книги, написанной вдовой чилийского коммуниста, поэта, певца и композитора, зверски убитого во время фашистского переворота в Чили в сентябре 1973 года — ВИКТОРА ХАРА.

В последние девять лет благодаря солидарности с народом Чили мне выпало подружиться с самыми разными людьми: с фабричными работницами Японии, с шахтерами и аборигенами Австралии, с певцами и студентами США, с детьми ГДР, с художниками Франции и Испании, с итальянскими ветеранами антифашистского движения, с поэтами и молодыми людьми СССР, с танцорами Кубы, не говоря уже о старых и новых друзьях в Британии, когда я вернулась сюда спустя двадцать лет. Вернулась как политэмигрант.

И всем этим людям, и моим друзьям из Чили и всей Латинской Америки, которые страдали так же, как я, и больше моего, я посвящаю эту попытку превратить воспоминания в слова. И еще я посвящаю ее моим дочерям и надежде на будущее...

Лондон, апрель 1983 года

Конец и начало

Когда 15 октября 1973 года я в сопровождении британского консула вошла в самолет в аэропорту Сантьяго, я была человеком без личности. Кем я была раньше — балериной, хореографом, учителем, женой? Теперь я была никем. Две мои маленькие дочки устроились в креслах в переднем ряду. Они были такие бледненькие и подавленные, что даже не ссорились из-за места у окна. Теперь их жизнь целиком зависела только от меня. А на самом деле я нуждалась в них даже больше, чем они во мне, потому что ради них и я должна была жить. Я знала, что частично уже умерла, умерла вместе с человеком, чье тело лежало в гробу в цементной нише в стене Центрального кладбища Сантьяго. Ниша была закрыта грубо отесанным камнем, на котором стояли простые слова:

«Виктор Хара. 14 сентября 1973 года».

Дата была неточной. В то время невозможно было узнать, когда они убили моего мужа. Я не оставила возле ниши места для цветов: эти пустые углубления выглядят так сиротливо. Я же не могла знать, что на могиле Виктора всегда будут цветы, что люди, рискуя своей свободой, будут приходить сюда издалека и проволокой, клейкой лентой прикреплять жестяночки и горшочки, чтобы цветы как можно дольше оставались свежими.

Боль Виктора, его смерть — я это чувствовала так, будто все происходило со мной. Я не могла закрыть глаза: я все видела его мертвое тело, морг, ужас этих последних четырех недель, кошмар военного переворота. Все военное могущество обрушилось на безоружных людей. Это насилие было таким огромным, таким беспредельным, даже не верилось, что все это могло произойти именно в Чили.

Люди, на которых обрушился этот сокрушительный удар, были мирными людьми, и средства, которыми они пытались изменить к лучшему свое общество, тоже были мирными средствами; эти люди соблюдали все правила, которые на словах проповедовали их враги, но враги не считали нужным блюсти ими же провозглашенные законы. Тысячи, миллионы людей, страдающих, умирающих,— мне казалось, что я не просто одна из них, а я — все они, мы, единые, несмотря на то, что враги старались разорвать связующие нас узы, несмотря на то, что одни остались в Чили, а других развеяло по свету...

Я была одной из тех, кому удалось уехать. Я была британской подданной, но прожила в Чили двадцать лет и знала, что буду чувствовать себя в Англии иностранкой. Я даже и думать научилась на испанском... Теперь у меня не было ни работы, ни денег, все наше имущество вместилось в три чемодана, да и то там были в основном фотографии, пластинки, магнитофонные пленки и письма.

...Что ждет меня в будущем? Единственное, что я понимала: мне надо учиться новому языку общения с людьми. Прежде я говорила языком танца, этот язык был самым естественным для меня, но теперь я должна словами рассказать всему миру о том, что случилось с людьми в стране, которая столько лет была моим домом. Я должна рассказать об этом за тех, кто остался там и кто вынужден молчать.

Дети задремали. Я не могла спать. Я сидела, уставившись в окно, и мне казалось, что Виктор здесь, рядом, что я могу повернуться и дотронуться до него. Я знала, что мне надо научиться жить без него. И я решила, что сделаю все, чтобы

Виктор продолжал жить в своей музыке, чтобы он продолжал делать свое дело. Глупые убийцы, они не понимают силы песни...

Немного о себе

Стоит мне вспомнить детство, и ко мне снова приходит это ощущение: ожидание смерти. Мы жили в центре Лондона и каждую ночь спускались в бомбоубежище, вырытое в нашем саду. Помню, как я лежала и прислушивалась к свисту бомб, однажды бомба разорвалась совсем близко, у нас в доме вылетели все стекла, а однажды я видела, как небо покраснело от близкого пожара.

Это случилось в июле 1944 года. Мама повела меня в театр, где выступала труппа современного танца «Балет Йооса». Событие это предопределило всю мою жизнь: я не только решила стать профессиональной балериной, но, более того, пусть косвенно, этот балет связал мою жизнь с далекой страной под названием Чили.

Балет был поставлен Куртом Йоосом и назывался «Зеленый стол», в нем говорилось о тех ужасах, что приносит людям война. Впечатление было особенно сильным, потому что в то время нацисты бомбили Лондон буквально каждую ночь.

Я танцевала с самого раннего детства, импровизировала под старые пластинки. Потом, во время войны, я ездила через весь Лондон в балетную школу, возвращалась поздно в толпе людей, спешивших на ночлег в станции метро. Но мне и в голову не приходило стать профессиональной балериной. Я училась в Колледжиате Северного Лондона, школе, расположенной в удобном, буржуазном районе Кэнонс-парк, там нас готовили к поступлению в университет, и предполагалось, что меня ждет научное поприще. Мои соученицы были дочерьми чиновников или военных, и жили они в хорошеньких виллах с садами. Наша семья была совсем другой.

Когда я родилась, мой отец был уже немолодым человеком, но я все равно помню, что у него были яркие синие глаза, а сложением и упрямством он был похож на быка — в нем чувствовалась такая же внутренняя сила и напряжение. Отец был сыном сапожника и, хотя не получил формального образования, был очень начитанным и свободомыслящим человеком. Он гордился своим рабочим происхождением и умением все делать своими руками, но был все же слишком эгоцентричным, чтобы стать настоящим социалистом, хотя и считал себя таковым и читал Карла Маркса.

Моя мать была на двадцать лет моложе его и в юности участвовала в движении суфражисток. Она тоже была социалисткой, но, выйдя замуж, отошла от активной политической работы. Она целиком отдала себя нашему большому семейству, но тосковала по своей деятельной юности и не хотела, чтобы ее дочери попали в такую же мышеловку.

Отец дослужился до должности менеджера большой компании по производству пишущих машинок и тут решил бросить все и заняться своим собственным бизнесом: скупкой и продажей предметов старины. Он скупал посуду, мебель и прочее, и все эти вещи, которые он не мог перепродать или с которыми не мог расстаться, оставались в нашем доме, забивая все комнаты, чуланы, оседая под лестницей.

В школе я тщательно скрывала мою домашнюю жизнь, даже от ближайших подружек. И только в танце я могла свободно выразить себя.

Через год труппа Йооса снова приехала в Лондон. Я узнала, что после первого действия можно без билетов пробраться на галерку, и, поскольку «Зеленый стол» шел всегда в конце программы, я видела его раз тридцать. В последний день гастролей я преодолела стыдливость, подошла к служебному входу и попросила вызвать Курта Йооса.

Он появился в узеньком проходе, все еще в костюме и гриме смерти из «Зеленого стола», но его глаза смотрели на меня с большой добротой. Он сказал, что я могу приехать к ним в Кембридж, и он посмотрит, на что я способна.

Во время просмотра я была почти парализована от волнения, но случилось чудо: Йоос заявил, что мне стоит учиться, получить настоящую профессиональную подготовку, и после этого он рад будет принять меня в свою труппу. И когда в 1947 году в Лондоне открылась школа Сигурда Леедера, я отказалась от стипендии на курсе истории в колледже и решила целиком посвятить себя балету.

И вот спустя три года я отправилась в Эссен, чтобы присоединиться к труппе Йооса (он вернулся из эмиграции на родину).

Я стала жить среди людей, которых привыкла считать своими врагами. Я никогда не пыталась делать различия между народом Германии и нацистами, и теперь, живя в многонациональной труппе, наполовину состоявшей из немцев, иные из которых во время войны боролись против нацизма, я получила хороший урок человеческих отношений. В труппе было двадцать четыре танцора десяти национальностей, мы изъяснялись на семи или восьми языках. Среди нас были два чилийца: Йоос познакомился с ними в Чили в 1948 году. В этой немыслимо далекой стране работали три ученика Йооса — Эрнст Утхофф, Лола Ботка и Рудольф Пешт. Они эмигрировали в Латинскую Америку в самом начале войны. Я помню первое впечатление от одного из чилийцев, Альфонсо Унануэ (позже мы подружились на всю жизнь): Альфонсо, скрючившись, сидел на широком подоконнике. Он был очень высоким и невероятно худым, мог складываться как хотел, а лицом походил на истощенного Фернанделя. Альфонсо был самым талантливым комиком из всех, кого я знала.

Второй чилиец еще не прибыл, и ждала я его с опаской и нетерпением: Патрисио Бунстер должен был стать моим партнером. Около месяца я в одиночку готовила наши партии, предаваясь как мстительным, так и романтическим мечтам.

В свои двадцать шесть лет Патрисио был гораздо взрослее меня. Он был очень одаренным танцором и первым встреченным мною убежденным коммунистом. У нас было много общего: его жизнь так же, как и моя, была перевернута спектаклем «Зеленый стол». Он видел его в Сантьяго, и в ту же минуту решил бросить университет, где занимался архитектурой, и стал одним из первых в Чили учиться балету. Ничего удивительного, что вскоре я влюбилась в него без памяти.

Следующие два года мы гастролировали по Европе, большей частью передвигались автобусами и редко когда проводили в одном и том же месте две ночи подряд. Наконец сбылась моя мечта: я станцевала партию Женщины, или Партизанки, в «Зеленом столе». Странно было танцевать этот балет в городах, разрушенных британской и американской авиацией. Я увидела сама, что фашизм принес Европе. В Роттердаме, Касселе, Берлине я видела груды камней там, где прежде был центр города, в залах сидели люди, перенесшие весь этот ужас. И где бы мы ни танцевали «Зеленый стол», контакт с аудиторией был мгновенным.

Весной 1953 года, после семинедельных гастролей по Великобритании — я впервые выступала в Лондоне! — наша труппа распалась. Патрисио решил еще на год остаться в Лондоне, позаниматься у Сигурда Леедера, а меня взяли на роль в балете «Король и я», который ставили в театре «Друри лэйн». Это была интересная работа. Но на одной из последних репетиций я упала и повредила спину — в будущем это происшествие имело для меня серьезные последствия. Меня заменили, и я неделю сидела в раздевалке и ревела от обиды.

В октябре мы с Патрисио поженились, а в марте следующего года Патрисио уехал в Чили. Я должна была отправиться за ним спустя четыре месяца. Я ехала в страну, о которой не знала почти ничего, кроме того, что это родина Патрисио и что там есть балетная труппа, в репертуаре которой вещи Курта Йооса. И эта далекая чужая страна, длинной, тонкой лентой протянувшаяся на карте, стала моим домом.

Каждый, кто прибывает в Сантьяго, сталкивается лицом к лицу с Андами, с огромными, покрытыми снегом вершинами, они нависают над городом, и кажется, что вот свернешь за угол и наткнешься на эту стену. Поэтому ни один рисунок чилийских детей не обходится без гор на горизонте.

По сравнению с дикой, величественной природой сам город симпатий не вызывал. Улицы тоскливо-прямые, слишком узкие, движение на них истеричное и шумное; здания хоть и старые, но не было на них того налета истории, что отличает европейские города. Если взглянуть сверху, с горы

Святого Кристобаля, то казалось, что центр города плавает в море смога, лежащего на плоских крышах трущоб.

В «баррио альто», районе богачей, что лежал у подножия Анд, воздух был гораздо чище и свежее. Вдоль широких тенистых улиц выстроились роскошные особняки, владельцы которых стремились отдать дань сразу всем архитектурным стилям... Мы поселились в маленькой квартирке напротив парка Бустаменто, который и отделял «баррио альто» от центра.

Это было вскоре после приезда. Как-то так получилось, что я вечером возвращалась домой одна. Темнело, становилось довольно холодно. Вдруг на тротуаре я увидела что-то вроде кучи тряпок. Рядом лежала здоровенная дворняжка, и когда я подошла поближе, она предупреждающе заворчала. И тут я увидела, что это не просто груда тряпья — это были двое мальчишек; укрывшись рваным одеялом, они устроились на ночлег на вентиляционной решетке: «лос пелусас», маленькие бродяжки, они нищенствовали, подворовывали, рылись в мусорных кучах. Зрелище меня настолько потрясло, что, наверное, именно с этого момента началось мое политическое образование.

Как-то раз меня пригласили погостить несколько дней в загородном особняке: у хозяев были большие виноградники и винный завод. За обедом хозяин дома заявил, что без колебания пристрелит любого крестьянина, решившего забастовать или вообще позволить себе какой-либо жест неповиновения. «Всех коммунистов надо стрелять на месте»,— сказал он. Было очень смешно, когда потом он в смокинге гонялся за мной по полям и убеждал, что вовсе не имел в виду моего мужа, Патрисио. Хозяин принадлежал к той небольшой группе аристократов, которые посылали своих детей учиться в Европу; эти люди ездили в Милан слушать оперу, в Лондон — смотреть театральные постановки, покупать туалеты — в Париж, а дома они говорили по-французски или по-английски. Это было мое первое столкновение с чилийской олигархией — «лос питукос» [1].

Еще я узнала слово «рото». По словарю оно значило «разбитый, оборванный». Но в разговорной речи оно еще означало «бедняк». У «рото» были определенные физические черты: широкие индейские скулы, темные волосы и кожа, коренастая фигура, и столь же определенные личные качества: лень, вороватость и пристрастие к алкоголю — считалось, что все это наследственные черты бедняков. В то же время «эль рото чилено», как предполагалось, был великим патриотом, который при каждом удобном случае колотит себя кулаками в грудь и никогда, даже в самых тяжелых обстоятельствах, не теряет чувства юмора. Этот ходячий образ был создан богачами, дабы бедняки знали свое место.

Что же до меня, то, хотя я и поселилась в Чили навсегда, я была «гринга» (то есть «гринго» женского рода) — этой кличкой награждали иностранцев, иногда она звучала уважительно, но чаще презрительно, особенно во фразе «Гринго, гоу хоум». Предполагалось, что у гринго плохо с чувством юмора, это люди жесткие, топорные и несколько «деславадо» — то есть выгоревшие, полинялые, как будто вышедшие из большой стирки. Но в статусе «гринго» было и нечто снобистское: моя цена поднялась, поскольку я была «импортной вещью», а все импортное считалось высшего качества, будь то культура или парафиновые печки. В том, что я англичанка, было даже нечто «питуко», как будто я доводилась прямой родственницей королеве.

Балетная труппа Сантьяго очень отличалась от «Балета Йооса»: здесь танцовщики считались государственными служащими с твердой зарплатой и видами на пенсию, и поэтому им не приходилось так заботиться о кассовых сборах.

Большинство спектаклей проходило в обитом красным бархатом и раззолоченном Муниципальном театре. Как правило, участвовал полный оркестр, по сорок и более того танцоров, сцена была богато декорирована, а костюмов требовались контейнеры. В некоторых представлениях был занят большой хор, так что давать их за пределами Сантьяго было совершенно невозможно.

Эти стабильность и солидность объяснялись тем, что и балетная труппа, и оркестр входили в состав Чилийского университета (ему принадлежали также и драматическая труппа, и театральная школа). Дело в том, что университетская автономия, охранявшаяся в Чили очень ревностно, была единственным средством оградить культурные начинания от часто меняющихся правительств. Но в автономии были и свои недостатки: получалось, что труппы работают в стабильном идеальном вакууме, не соприкасаясь с народом. В 50-х годах университет представлял собой нечто вроде башни из слоновой кости, это был закрытый, элитарный мир, управляемый своей собственной олигархией.

Национальный балет Чили был основан Эрнстом Утхоффом, он и руководил им в ту пору (танцоры уважали его, но слегка побаивались, потому что во время репетиций он не стеснялся давать выход своему дурному настроению). Патрисио и Альфонсо стали не только танцовщиками, но и постановщиками. Они пытались ускорить ритм работы и особенно упирали на то, что театр должен быть более мобильным, больше гастролировать, для чего предлагали по необходимости заменять оркестр магнитофонными записями.

Мое появление было встречено с некоторой опаской — другие солисты полагали, что я буду отбивать у них партии. Но потом предубеждение рассеялось. Я немедленно включилась в работу, а вскоре начала заниматься и педагогической деятельностью, сначала на балетном отделении факультета, потом стала давать уроки движения в театральной студии.

Патрисио и Альберто выиграли свою битву, и вот в 1956 году мы отправились в турне на юг страны. Первое представление мы дали в спортивном зале городка Пуэрто-Монт. Сквозь разбитые стекла дул ветер с Южного полюса, и местные собаки охотно участвовали в репетициях. Аудитория принимала нас очень тепло — театры приезжали сюда редко, но даже мне, иностранке, наши европейские балеты казались здесь явно неуместными.

Следующая поездка была на север. В Икике мы танцевали в прелестном миниатюрном театрике, целиком сделанном из дерева, с резными сиденьями и балкончиками. Здесь выступали Сара Бернар и другие европейские знаменитости, и зрителями их были миллионеры, в основном англичане, владельцы шахт. С этим местом связаны и другие, менее изящные воспоминания: в 1907 году на площади перед школой святой девы Марии войска, вызванные хозяевами, расстреляли три тысячи бастовавших шахтеров вместе с их женами и детьми...

Надо было быть совсем идиоткой, чтобы не понимать, какими резкими были противоречия между «официальным» университетским культурным движением, служившим «космополитической аристократии», как называл ее великий поэт Пабло Неруда, и нищетой, в которой жило большинство чилийцев. Неруда много писал об этом. Одной из книг, привезенных Патрисио в Европу, был основательно зачитанный толстый красный том — нерудовская «Всеобщая песнь». И хотя в то время я еще совсем не знала испанского, я понимала, что эта книга значит для Патрисио очень много, для него это была не просто великолепная поэзия, а руководство к действию, та идейная база, на основе которой он хотел работать как хореограф. И в 1959 году Патрисио поставил балет, который вошел в историю культуры всей Латинской Америки. Сюжетной основой «Калаукана» были три стихотворения из «Всеобщей песни», а музыку написал известный мексиканский композитор Карлос Чавес.

Мы с Патрисио много и плодотворно сотрудничали как профессионалы, но брак наш явно не удался: мы были так увлечены работой, что личные отношения отошли на второй план и еще до рождения Мануэлы брак наш прекратил существование.

В мае 1960 года, Мануэле тогда еще не было и месяца, разразилось землетрясение, такое огромное, что на сейсмографах для него не хватило шкалы: заработали одновременно шесть вулканов. Весь юг Чили, от Сантьяго до острова Чилоэ, изменился до неузнаваемости: горы сходили с места, реки поворачивали вспять. И хотя Сантьяго пострадал не

[1] *Слово «питукос» имеет в Чили два значения — это человек, принадлежащий к правящему классу, но оно используется и как презрительная кличка по отношению к тем, кто кичится подчеркнуто аристократическими, аффектированными манерами.— Примеч. авт.*

очень сильно, все эти подземные толчки, страшные вести с юга страны произвели на меня впечатление гласа судьбы.

Я вдруг почувствовала, что здесь, в Чили, я никому не нужна. Но я провела здесь уже достаточно времени, чтобы порвать все связи с Англией, и не могла и думать о возвращении «домой». Я почти не помню подробностей той долгой зимы, помню только, что почти все время лежала в постели. Неожиданно дали себя знать последствия той давней травмы позвоночника, требовалось длительное лечение и, возможно, операция. Мне говорили, что это безумие — рассчитывать продолжать карьеру балерины, а ведь в работе была вся моя жизнь.

И вот однажды тоскливым серым вечером я лежала, в тысячный раз думая о своих несчастьях, и вдруг услышала легкий стук. Я открыла дверь и увидела, что в темном коридоре стоит кто-то и широко улыбается. Это был один из моих учеников в театральной школе, коренастый парень с черными курчавыми волосами. Звали его Виктор Хара. Он протягивал мне букет цветов и держал их так смешно, будто защищался. Я пригласила его зайти, поблагодарила за цветы. Мне кажется, он попросил у меня книгу о японском театре «Но». Мы немного поболтали, и это на время рассеяло мое жуткое настроение: все-таки приятно было знать, что студенты помнят обо мне.

Виктор

Под высоким темным небом с яркими-яркими звездами — такие звезды бывают только в конце лета — на иссохшей земле сидят мужчины, женщины и дети. Руки и лица освещены пламенем костра, они лущат початки, ссыпают зерна кукурузы в огромные кучи, наутро зерна насыплют для просушки на плоские крыши глинобитных хижин: жители маленькой деревушки Лонкуэн собрались на традиционную «трилью» — молотьбу. До Сантьяго всего миль пятьдесят, но кажется, что от сегодняшней жизни деревушку отделяют тысячи километров и сотни лет. Мебель здесь плетут из тростника, и глиняные горшки для готовки — магазина-то нет — покупают в соседней деревне гончаров Помаире.

Когда маис созревает, семьи крестьян — инкилинос (то есть крестьян, работающих на хозяина и живущих в закрепленных за ними хозяином хижинах) — помогают друг другу собрать скромный урожай, который они растят для себя. Днем они трудятся на хозяйских полях, и для обработки своего маиса остается только поздний вечер. Они собираются вокруг костра, работают, пьют «чичу» (густой виноградный сок), рассказывают разные истории, играют на гитарах, поют, и долгая трудовая ночь превращается в праздник. Старшие дети работают вместе со взрослыми, маленькие играют, сидя на грудах маисовых зерен, но стараются оставаться внутри освещенного костром круга — там, в темноте, столько непонятного и страшного.

Таким помнил Виктор свое раннее детство. Он рассказывал мне, как, бывало, лежал на теплой земле, смотрел на звезды, а мать играла на гитаре, пела, шутила с товарками, и он засыпал под ее пение.

Лонкуэн почти полностью принадлежал семье латифундистов Руис-Тагле. Им принадлежала и вся земля в округе, и огромный хозяйский дом, а в деревушке была церковь, школа и одна немощеная улица. Семейство Руис-Тагле было немыслимо богатым. Как и прочие латифундисты, они сохраняли у себя почти что феодальные порядки. Каждый инкилино получал домишко, двор и клочок земли для того, чтобы растить для себя маис, бобы и картофель. Естественно, крестьянам отводилась худшая земля, и получить с нее хороший урожай было нелегко. Платили за работу мало, да и те деньги расходовались до их получения — на муку, сахар, мате и, раз в год, на ткани для хоть какой-то одежки.

Каждая семья должна была поставлять для работ двух мужчин, женщины следили за домом, но и они должны были выполнять разные поручения хозяина. Если дети были еще маленькие и семья не могла дать для работы второго мужчину, инкилинос нанимали за стол и кров кого-то, кто находился в еще более бедственном положении.

В Лонкуэне все дома были одинаковыми, глинобитными, и две веранды сзади и спереди были крыты черепицей. В каждом доме по три темные комнатки, окна закрывались ставнями. Электричества не было, жгли свечи и масляные лампы, воду носили из колодца или из ручья, готовили во дворе, в земляной печи, в которую был вделан котел для воды.

На самом краю Лонкуэна, там, где кончались земли Руис-Тагле и начинались владения Фернандо Прието, жили Мануэль Хара и его жена Аманда с четырьмя детьми: Марией, Георгией (Кокой), Эдуардо (Лало) и самым младшим в то время, Виктором. Мануэль был жилистым, темноволосым, посреди худого загорелого лица торчал орлиный нос. Он был ожесточен тяжелой крестьянской долей и смотрел на детей скорее как на добавочную рабочую силу, чем как на свободные человеческие существа. С шести лет Виктор начал ходить с отцом в поле. Иногда в качестве награды ему разрешалось ехать на бороне, но большей частью он должен был тащиться по борозде, помогая направлять тяжелый плуг, до конца поля и обратно, и так целый день.

Я крепче сжимаю плуг,
я погружаю его в землю,
я работаю годы, и годы, и годы,
кто бы знал, как я устал.

Бабочки порхают, сверчки трещат,
моя кожа становится все темнее и темнее,
солнце палит, и палит, и палит.
Пот прокладывает борозды на моем лице,
я прокладываю борозды в земле,
снова и снова.

В. ХАРА. «Землепашец»

Продолжение следует

Сокращенный перевод с английского Н. РУДНИЦКОЙ

В НОМЕРЕ:

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. А. АКСЕНОВ, В. Л. АРТЕМОВ, Я. Л. БОРОВОЙ, С. М. ГОЛЯКОВ, И. В. ГОРЕЛОВ (ответственный секретарь), А. С. ГРАЧЕВ, Ю. А. ДЕРГАУСОВ, С. А. КАВТАРАДЗЕ, В. Б. МИЛЮТЕНКО, В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА (зам. главного редактора), Б. А. СЕНЬКИН, В. Г. СИМОНОВ

Художественный редактор Е. А. Гричук
Оформление И. М. Неждановой
Технический редактор А. Т. Бугрова

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефон 285-89-78. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на ежемесячник.

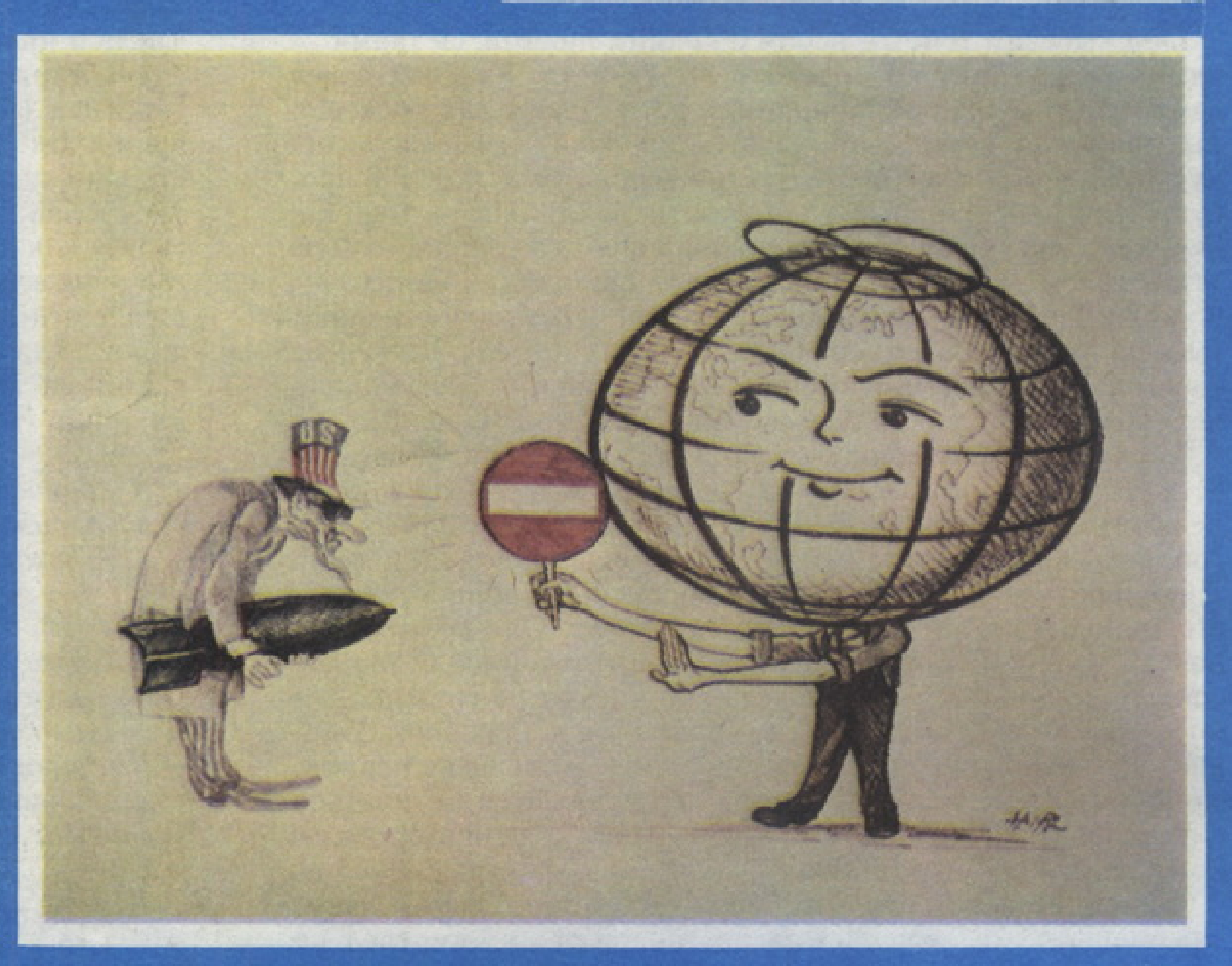
Сдано в набор 11.01.84. Подп. к печ. 13.03.84. А00639. Формат $84 \times 108^{1}/_{16}$. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 13,4. Уч.-изд. л. 5,6. Тираж 1 100 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 2292.
Издательство и типография «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

Змарай Шерзад (Афганистан). «Стоп!»

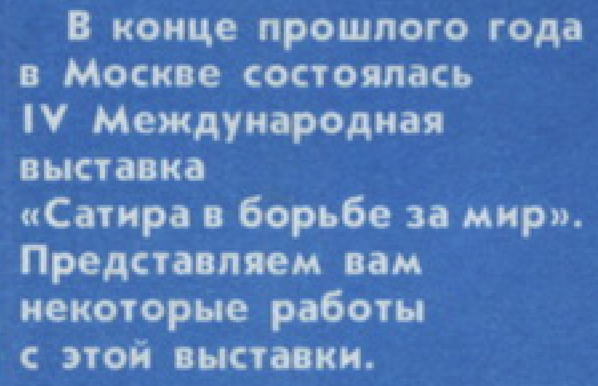

Умберто де ла Торре Кеведо (Колумбия). «Без слов».

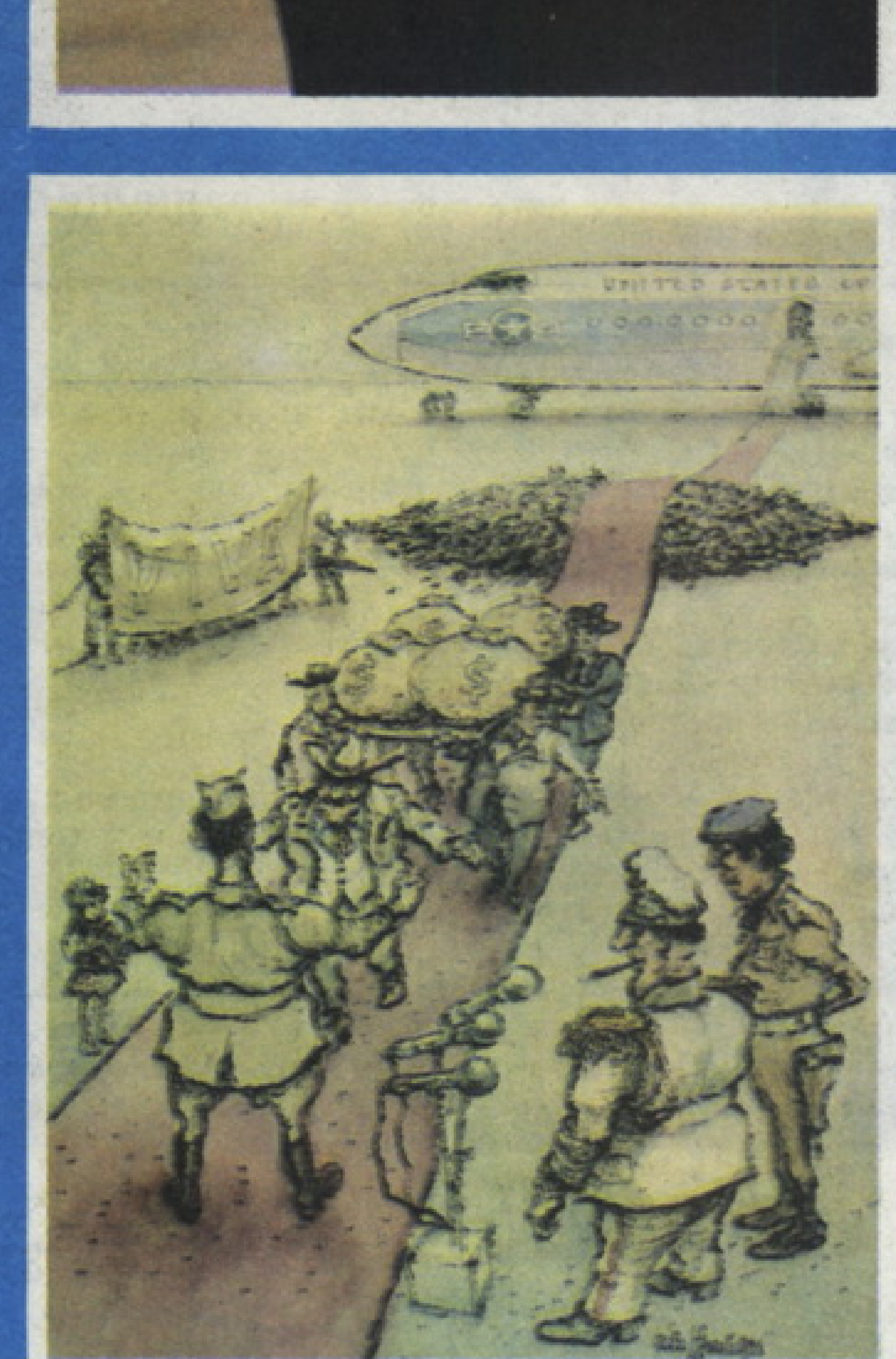

Л. Ельков (СССР). «Его маленькое хобби».

Ле Ван Хин (Вьетнам). «Без слов».

В конце прошлого года в Москве состоялась IV Международная выставка «Сатира в борьбе за мир». Представляем вам некоторые работы с этой выставки.

Оливер Харингтон (США). «Золото для Сальвадора».

Индекс 70781
Цена 35 коп.